

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

9(c)
P16

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
ВОРОНЕЖѢ.

СОЧИНЕНІЕ
ИВАНА РАЕВИЧА.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СМЪЧЕВА.

1839.

**ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
ВОРОШЕВЪ.**

**СОЧИНЕНІЕ
ИВАНА РАЕВИЧА.**

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СМЪЧЕВА.

1839.

К 9(с)
Р16

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи пред-
ставлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенной чѣсло экземпляровъ. С.
Петербургъ. Марта 8, дня 1939 года.

Ценсоръ А. Фрейдманъ.

Ворожешская областная
научная библиотека на
имени И. С. Никитина

Р0550647

20
Кр

*И если описаніе моего путешествія, выйдя въ свѣтъ, будетъ служить вамъ хотя слабою поддержкою въ принятіи странныхъ и въ содержаніи больныхъ, — я по-
тщу себя счастливымъ. — Это одно
можетъ дать полную награду мо-
ему труду.*

Иванъ Раевичъ.

Марта 25, 1838 года.

МОСКВА.

Милостивому Государю.

АНДРЬЮ ПРОКОФЬЕВИЧУ

УЗАНОВУ.

ПОСВЯЩАЕТЪ

Сопливецъ.

ПИСЬМО.

А. П. УЗАНОВУ.

Со времени приезда моего въ Москву, Воронежъ не выходилъ у меня изъ памяти. Въ часы уединеннаго безмолвія, въ развѣлахъ воображенія, я часто переношусь къ вамъ, витаю среди васъ, и обнимаю умищенными взорами ваше заведеніе — юдолю жалкихъ страдальцевъ, призрѣніе коихъ составляетъ единственное и пріятное для васъ занятіе.

Признаюсь, ваше самоотверженіе для пользы бѣдныхъ, для меня, кажется, выше силъ теловѣческихъ: покоить, содержать, заботиться,

пожертвовать для нихъ вѣкъ сво-
ихъ состоянiемъ, и посвятить по-
слѣднiя минуты досуга, — есть
дѣло людей рѣдкихъ по душѣ.
Примѣръ вашъ долженъ возвысить
добродѣтель не только въ людяхъ,
вамъ по званiю подобныхъ, но даже
и въ тѣхъ, которые, подъ благо-
творными лучами **ВСЕВИДУС-**
ТВѢЙШАГО МОИАРХА нашего,
звѣдуютъ въ высшей сферѣ поли-
тической мiра, и отстоятъ отъ
васъ въ необъятномъ простран-
ствѣ. Движимый примѣромъ ва-
шего самоотверженiя, я принялъ

напряженіе, хотя въ слабыхъ от-
нѣжкахъ, сдѣлать подражаніе вы-
сокимъ порывамъ вашей души. Не
находя другихъ средствъ къ со-
ревнованію, я вздумалъ описать
свое путешествіе въ Воронежъ, и
издать въ свѣтъ.

Ни слава, ни гонимъ подонали
меня къ толу; но одно только
желаніе утѣхотъ нагало нашего
знакомства. Посвещая это изда-
ніе вашему имени, я хочу, чтобъ
оно поступило въ пользу вашего
страннопріимнаго дома, и деньги
за продажу экземпляровъ употреб-

лены были на содержаніе бѣдныхъ странниковъ.

Не знаю, какъ понравится мое сочиненіе Публикѣ. Но если и великіе люди, уже утъмганныи громины титлоны литератора, сознаются въ своихъ недостаткахъ; а я тѣмъ болѣе, руководствуясь ихъ примѣромъ, мою оправданіе свое выразить словами: feci, quod potui, faciant meliora potentes и при томъ я писалъ не для славы, но для дружества, которому можно приносить все: dat pyra, dat pomum, qui non habet caetera dona

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

В О Р О Н Е Ж Ъ.

ГЛАВА 1.

МОСКВА.

Наступилъ благотворный Май; жгучіе лучи солнца казали горизонтъ Сѣвера, и понарама Столицы покрывалась душевною пелѣною неба; жители Москвы, группами устремились въ свои загородныя дачи наслаждаться очаровательными прелестями весны. Въ теченіи недѣлю опустѣлъ весь кругъ моего знакомства: Одинокій, пераавлекаемый друзьями, я невольно погружался въ тихую задум-

чивость, съ которою подружился еще съ самаго дѣтства. Уныніе, скука и тягостныя думы, какъ гремучія змѣи, шипѣли въ моемъ сердцѣ.

Остатленный друзьями, я заперся въ своемъ кабинетѣ, какъ отшельникъ въ келіи, посвятивъ себя одиночеству; обвитый безжолною тишиною, я иногда обращалъ взоръ свой въ протекшее поприще жизни, на которое дымилась еще развалины счастья; а иногда, въ порывахъ кипучаго духа, переносился въ сферу фантазіи; и въ разгулахъ вдохновенія строилъ воздушныя міры будущаго блаженства; но на горизонтѣ фантастическаго міра, среди очаровательныхъ картинъ воображенія, мелькали какія-то фантазмагорическія тѣни. Устрашаемый причудами воображенія, я дробился въ полетахъ кипучаго духа, какъ клубящаяся пѣна водопада на серебряный дождь бризговъ, и, укротивъ полетъ живой фантазіи, я останавливался въ области физическаго міра съ головою, наполненною идеями сбивчивыми и безотчетными.

Но среди безотчетныхъ волненій духа,

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

Р 0550 647

внутри меня блеснула лучь какого-то таинственного утешения, и въ то самое время, какъ облако унынія развивалось надо мною; я пахнулъ очаровательнымъ миръ внутри самого себя; но причина этой таинственной радости оставалась неразгаданною, необъятною и непроницаемою.

Теряясь въ изысканіяхъ причины непонятной отрады, рдѣющей въ глубинѣ моей души, я считалъ это вдохновеніемъ. Но въ мечтахъ пылающаго воображенія перѣдко внушенія собственныхъ чувствъ, и отраженія радостныхъ, минувшихъ впечатлѣній души считаемъ мы за божественныя вдохновенія, и въ безусловной преданности къ подительству промысла прибѣгаемъ къ молитвѣ, и при первомъ воззрѣніи на иконы Святыхъ пораженъ былъ изображеніемъ Св. Митрофана.

Со времени явленія новаго Чудотворца, во какому-то неразгаданному чувству, я особенно горѣлъ къ нему и пламенемъ любви и благоговѣнія; часто душа моя, при воспоминаніи о немъ, сильно трепетала во мнѣ, и силась сбросить тяжелыя цѣпи организма, подобно

быстрокрылому орлу, завиться и летѣть въ Воронежъ, для малѣйша чувства предъ гробомъ Угодника.— Это была не энтузиастическая мечтательность, происходящая отъ пылкаго воображенія; но живое стремленіе души.

Я рѣшился на утро оставить Москву, и эта рѣшимость совершенно оживила мое сердце и наполнила душу восторгомъ. Приготовясь къ отъѣзду, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія будущаго дня, который желалъ провести въ душевномъ веселіи и спокойствіи.

ГЛАВА 2.

ОТВЪЗДЪ ИЗЪ МОСКВЫ.

Ночь проведена была безъ сна, порывы души, сопряженные съ благоговѣнiемъ къ новому Угоднику, боролись съ противодействами ангела тьмы. Въ уединенномъ обзорѣни предпринятаго мною путешествiя, среди восхитительныхъ картинъ разнообразiя гордо, возвышались крепистые ряды преградъ; сердце мое трепетало; но душа, объятая пламенемъ благоговѣнiя, въ живомъ энтузиазмѣ высокаго и религiознаго, съ жаромъ представляла и самую смерть въ образѣ благотворнаго гелiя.

Накопецъ свилось флеровое покрывало
почи; благотворная роса, падающая съ
плынительныхъ рѣсницъ Авроры, кро-
пила бархатныя долины, обвитыя слад-
кихъ сноихъ, и въ проснувшейся при-
родѣ раздавался тихій шорохъ строй-
наго движенія тѣль; лучи солнца за-
играли въ тверди, и отпыскажи своими
златили пурпурный горизонтъ. Съ вос-
ходомъ солнца тройка почтовыхъ лоша-
дей крутилась у подъезда моей кварти-
ры. Я простился съ домашними, и чрезъ
часъ времени былъ уже за заставой.
Лихой ящикъ ныкнулъ по лошадямъ,
и огневая, взвившись, понеслась стрѣ-
лою по Серпуховкѣ. — Пролетали Став-
цинъ, и мелькали версты. —
День былъ тихъ; погода пріятная,
солнце, какъ плавающая эфирная аэрос-
тата, тихо и величаво катилось по го-
ризонту; эфирныя воронки въ поляхъ,
къ жни волновали юную пажить, надъ
которою хоры пернатыхъ пѣвцовъ раз-
ливали стройныя свои трели: Вросши
среди обширнаго города, въ шумномъ
миръ, среди труппы жилищъ, изъ коней
рука искусства строжила великолѣп-
ныя жилища, а наслаждалась красотами

природы, только въ импаторѣ выра-
женными; но облаженные, естествен-
ныя прелести ея были скрыты отъ мо-
ихъ взоровъ, — и теперь, въ каждомъ
тихомъ волненіи памяти, въ каждой пѣс-
ни глашатая полей, въ каждомъ шелесе-
тъ древесныхъ листовъ я созердалъ что-
то таинственно-величественное и неизъ-
яснимо-сладкое для души. Разукрашен-
ныя цвѣтами долины, среди коихъ раз-
ливались пріятные звуки пастушескихъ
свирѣлей, восторгали мое сердце и ус-
лаждали душу; при очаровательномъ
звукѣ переливчатыхъ тоновъ свирѣли я
погружался въ сладостное чувство само-
забвенія, и переносился въ нѣдро бла-
гословенной Аркадіи. Душа и сердце
таили отъ восторга. Но вдругъ заиграли
вѣтры; небосклонъ началъ мрачиться;
облака толпами понеслись по тверди;
молнія забраздила по горизонту съ
сильныхъ трескомъ грома, и природа
въ ужасъ погружалась въ мортвенное
оцѣпененіе. Мрачныя тучи рыскали на
черныхъ своихъ крылахъ; въ подлу-
ной воцарилась гробовая мрачность;
только молнія, извивистою змѣею раз-

сѣкая тучи, освѣщали трепещущую природу.

Буйные вѣтры, раскаты грома, сіяніе молніи, слившись въ смертоносную и грустнѣй, отражали грозный разговоръ неба съ землею перестыю. Цапенѣя отъ страха, я дрожагь всѣмъ тѣломъ; ямщикъ, облитый ужасомъ, шепталъ какую-то молитву; рьяные кони, бѣснесь отъ страшныхъ тресковъ грома и блеска молніи, двоили опасность. Видя невозможность продолжать дальше пути, я приказалъ ямщику захватить въ какую нибудь деревню, и время грозы провести подъ кровомъ селенія; но ямщикъ увѣдожыгь меня, что до самой станицы деревень не будетъ.— «Нѣтъ ли хотя въ сторонѣ не подалеку отъ дороги.» Спросилъ я, движимый петербургемъ.— «Не знаю, сударь» отвѣчалъ ямщикъ — «я самъ не здѣлній, и недавно на станицѣ, только еще другой день; а кажись въ сторонѣ надо быть деревнѣ.» Я приказалъ остановиться подъ вѣтвями деревъ и ждать отъ времени способнаго случая къ продолженію пути. Но тутъ ярился смѣлье; громъ свирѣпствуя, дробился въ раскатахъ, молнія, сливалась

въ одно пълно пламя, грозно зліла по природу; проливный дождь наводилъ землю. Устрашенные свирѣлостью грозы, излоченные дождемъ, мы дрожали отъ страха и холода.

Между тѣмъ день уже началъ клониться къ вечеру; небо двалось свѣтлымъ; вѣтры прихвѣтно стихали; черныя тучи уступали мѣсто растопляющемуся мраку ночи;—только дождь и раскаты грома усиливались. Оставивъ лошадей я пошелъ впередъ въ надеждѣ отыскать признаки какого либо поселенскаго жилища, гдѣ было можно было обустроить свое мѣсто. Пройди около версты, я увидѣлъ довольно возвышенный бугоръ, взойдя на него, началъ озираться во все стороны. Вправо—виднѣлъ былъ не большой кустарникъ, слышавшійся съ тѣлотою ночью; лѣво, — нагая, безпредѣстная степь, не отражающая жизни; прямо дорога, извиваясь лѣвѣю, терлась въ густотѣ мрака, — нигдѣ же видно было и признаковъ слѣда къ жилищу. Я хотѣлъ уже возвратиться къ лошадамъ, какъ вдругъ, въ педальномъ отъ меня разстояніи, послышалось лаяніе собакъ, вѣрный признакъ человеческого жилища; обрадовавъ

ный, я начал вслушиваться; слыше бдительныхъ стражей казалось недалеко, и наконецъ чрезъ поверхность кустарника блеснулъ огонекъ. Въ радости я поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ ящика въ ожиданіи моего прихода; но въ какое я пришелъ удивленіе, когда не нашелъ тамъ ни ящика, ни лошадей. Пораженный изумленіемъ, я не зналъ что подумать. Изыскивая причину непонятнаго приключенія, я терлся въ лабиринтъ догадокъ; затрудненіе въ разрѣшеніи загадки столь сильно тяготило меня, какъ Бригговы логарисмы не опытнаго математика. — Сначала я считалъ себя обманутымъ, но послѣ разсуждая, что ночной ящикъ никогда не рѣшится на это. — Я прошелъ около двухъ верстъ назадъ и впередъ; звалъ ящика по имени, но тщетно! одно только глухое эхо раскатовъ грома было отвѣтомъ моему зову. Вслушиваясь, иду далѣе и далѣе.... снова мелькнулъ огонекъ, и въ правой сторонѣ показалась узкая тропинка. Повернувъ направо, я пошелъ по ней; кустарникъ густѣлъ... темнота ночи усиливалась... вѣтра хлестали въ лице. Наконецъ огонекъ мелькнулъ предъ

моими глазами, бдительные собаки завывали цѣплями, и начали приветствовать меня грозными лаемъ. Я увидѣлъ небольшой домикъ, въ узкое окно коего и неотворенную дверь просѣдалъ блескъ огня.—Измоченный и усталый, я быстро кинулся въ дверь.

Цѣпи была теплая, въ переднемъ углу стоялъ столъ, покрытый вмѣсто скатерти толстымъ слоемъ грязи, на которомъ лежали наръзанные ломти хлѣба; по въ избѣ никого не было.—Нужно было дожидаться хозяина. Скинувъ шинель, я сѣлъ подлѣ стола, и погруженный въ размышленіе о случившемся сонною прошепестилъ.

Прошло времени около двухъ часовъ; но хозяинъ не возвращался.—Почное отсутствіе его заронило въ сердце моея искру сомнительныхъ предположеній, и ужасъ пробѣжалъ по моимъ нервамъ. Обуреваемый усталостью, я клонился ко сну, и стараясь отбросить все сомненія, волнующія мое сердце, я хотѣлъ прилечь, какъ вдругъ подлѣ окна послышался говоръ; вслушиваюясь,—голоса становятся явственнѣе; наконецъ отворяется дверь, и взору моему предста-

вился мой ящикъ вмѣстѣ съ хозяйномъ дома.

— «Ахъ, баринъ! — вскричалъ отъ радости почтарь, отряхивая свой измо-ченный армякъ, съ котораго потокомъ лилась дождевая течь — вы здѣсь! а я сколько искалъ васъ, — мы съ хозяйномъ почестъ вереть десять обѣгали; ну слов-но вы въ воду канули, я страхъ какъ перепугался, и теперь еще испугъ, какъ пудовая гиря, лежитъ на сердцѣ.»

— «Что же тебѣ понудило уѣхать не дождавшись мѣся?»

— «О баринъ! еслибы вы знали — ска-залъ ящикъ, но позвольте сударь мнѣ снѣтъ и развѣстѣ свой армякъ; я весь перемокъ до нитки.»

Тутъ ящикъ мой пустился въ под-робный разсказъ происшествія. Но я увольняю моихъ читателей отъ крестьянскаго краснорѣчія, и разсказъ его передаю своими словами.

«Въ то самое время, какъ я оставилъ его подъ вѣтвями дерева, и пошелъ отыскивать деревню, разрядъ громоваго облака ударилъ прямо въ дерево, находящееся недалеко отъ того мѣста, гдѣ стояли лошади; отъ страшнаго, пламен-

наго удара взбѣсилась копнѣ, и понеслись въ кустарникъ по той же узкой тропинкѣ, на которой читатель видѣли и меня, идущаго на блескъ огня. Лящикъ мой ударился за ними; и увидѣвъ эту лачужку, вызвалъ къ себѣ въ покое хозяина; они перехватили лошадей, и ввели ихъ на дворъ; потомъ пошли отыскивать меня; но разошлись дорогою, они встрѣтились здѣсь со мною случайно. Происшествіе, по началу загадочное, кончилось обыкновенною развязкою.

Въ это время хозяинъ началъ заботиться объ ужинѣ; а лящикъ объ отъѣздѣ, желая поспѣшить къ полуночи на слѣдующую станцію. Между тѣмъ я приказалъ достать изъ повозки дорожную фляжку, съ лекарственною настойкою! послушный въ этотъ случаѣ почтарь въ минуту исполнилъ мое приказаніе. Для водкрѣпленія своихъ силъ я выпилъ рюмку настойки и потомъ приказалъ выпить хозяину и лящику.

Между тѣмъ буря стихла; на небѣ не видно было тучъ, и съ очищеннаго горизонта, сквозь дымку весенней ночи, проглядывала луна серебристыми своими

взорами. Ямщикъ спышалъ ускорить отъѣздомъ, но добрый хозяинъ не хотѣлъ отпустить насъ безъ ужина, и другою ставанъ моею дорожной лекарственной настойки рѣшилъ дружественную ихъ прию, столъ покрыть быль бѣлымъ доскутокъ холста; но я отказался отъ ужина, и предоставилъ свободу ихъ однихъ трудиться надъ грубыми деревяскими щами.

За ужинюжь словоохотливый старикъ осыпалъ меня разказами о своей жизни, о добротѣ своихъ господъ, у коихъ онъ занимасть мѣсто тѣснаго слотрителя, и болѣе десяти лѣтъ живетъ въ этомъ домику.

— «Какъ зовутъ твоихъ господъ?» спросилъ я, желая преслѣчь длинный разказъ хозяина.

— «Петръ Ивановичъ и Вѣра Николаевна Горговецкіе.»

— «Далеко ли отсюда живутъ они?»

— «Нѣтъ сударь, не далеко, — верстахъ въ трехъ.»

— «Верстахъ въ трехъ! — повторилъ я, — и такъ мнѣ можно отправиться къ нимъ ночевать.»

— «Да, баринъ! — подтвердилъ хозяинъ.»

ннѣ, — худа не будетъ, госнода наши пречествѣйшіе люди, какихъ мало по Россіи.»

— «И въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ я обратясь къ ящичку, — ты доведи меня до помѣщика; а тамъ поѣжай куда хочешь; я у нихъ почию и на утро до станціи возьму лошадей въ деревнѣ.»

— «Слушаю-сь! — былъ обыкновенный отвѣтъ почтаря. — Но какъ же баринъ, — прибавилъ онъ, почесывая свою голову — пожалуйста на водку: вы знаете сколько было сегодня моихъ хлопотъ.»

Последнія слова произнесъ онъ столь жалостливымъ тономъ, что и самый скупой взялся бы за свой денежный кошелекъ. Я далъ ему полтину серебра, и обрадованный ящичекъ стремглазъ кинулся подавать лошадей. Хозяинъ предложилъ свои услуги проводить насъ до дому своихъ господъ.

Черезъ пять минутъ мы уже были въ мызѣ помѣщика.

ГЛАВА 3.

ПОМЪЩИКЪ И ЕГО СЕМЕЙСТВО.

—

Мѣсто, гдѣ возвышалась мыза П...
И... Г...аго, было подѣ особен-
нымъ покровительствомъ природы; домъ
его, какъ только могъ я рассмотреть
при лунномъ свѣтѣ, стоялъ на возвы-
шенной гранитной скалѣ, которую рука
причудливой природы разукрасила об-
разованіемъ колопадъ и минаретовъ;
при скалѣ скала на отлогомъ берегу
низинистой рѣчки растилалась долина.

Въ мызѣ царствовало глубокое без-
молвіе, нарушаемое только по време-
намъ звукомъ часового колокольчика на
башнѣ. Въ окнахъ помѣщичьего дома

видѣнъ былъ оголь. Подъѣхавъ къ крыльцу, я сошелъ съ повозки; на лѣстницѣ встрѣтившій меня лакей проводилъ въ комнаты, и снявъ шинель, съ учтивостію ввелъ меня въ залъ.

— «Дома ли Петръ Ивановичъ?» — спросилъ я, поправляя на себѣ фракъ.

— Дома-съ! —

— «Поди, доложи ему...»

— Слушаю-съ! — но какъ прикажете объ васъ доложить барину?

— «Подъ ижевелъ проѣзжающаго изъ Москвы.»

— Слушаю-съ! — и съ этими словами войдя въ кабинетъ своего барина, онъ громко провнесь: «кто-то подъ ижевелъ проѣзжающаго изъ Москвы желаетъ съ вами видѣться.»

Хотя, а *pace ad totum non valet consequentiâ*, говорить одинъ изъ древнихъ Философовъ; но я признаюсь, въ этомъ случаѣ погрѣшилъ противъ его правила, и отъ части лакейской учтивости заключилъ о цѣлой и совершенной добротѣ похѣщика. Въ это время подошелъ ко мнѣ человекъ пожилыхъ лѣтъ, поступъ его была величественна, на лицѣ отражалась отбѣнки добрыхъ свойствъ души,

и слѣды глубокомыслия; онъ примѣтно, не былъ работъ модъ и пустыхъ личій свѣта, какъ видно было изъ его платья и пріемовъ. — Это былъ самъ П. П. Г....ій.

По правиламъ политики, я сначала отрекомендовалъ себя, и потомъ объяснилъ ему причину моего пріѣзда, въ надеждѣ на ласковый пріемъ, и радужное привѣтствіе его увѣичало мою надежду. Петръ Ивановичъ принялъ меня очень ласково, въ его пріемъ не видно было ни угожденія политикъ, ни тлѣтворнаго дыханія эгонзма, и послѣ краткаго разговора, онъ пригласилъ меня въ комнату своей супруги, гдѣ предложилъ мнѣ познакомиться съ его семействомъ.

Семейство Петра Ивановича состояло, кромѣ его супруги, изъ двухъ сыновей и одной дочери. Всѣ они, сидя за столомъ, углублены были въ свои занятія. — Вѣра Николаевна, супруга Петра Ивановича, занималась чтеніемъ путешествія въ Іерусалимъ Г. Муравьева; старшій сынъ смотрѣлъ Географическую карту Палестины, и, какъ примѣтно было, съ удовольствіемъ и благоговѣніемъ раз-

смотривалъ мѣста освещенныя присутствіемъ нашего Спасителя, дочь его рисовала Херувима, а младшій сынъ готовилъ ей краски. При входѣ моемъ дѣти встали съ мѣстъ. Петръ Ивановичъ представилъ меня своей супругѣ, и, послѣ краткаго моего объясненія, жиѣ подали стулъ.

Предмѣтохъ перваго нашего разговора была Моекля; потохъ рѣчь перешла къ учености; всѣ литераторы, и всѣ издатели журналовъ были начислены. Петръ Ивановичъ, превознося всѣхъ нашихъ писателей съ особеннымъ уваженіемъ относился о Гг. Гречѣ и Булгарницѣ. «Перо перчаго — говоритъ онъ, неподражаемо въ слоги; и послѣдняго мило въ критикѣ; онъ также душевно скорбѣлъ о смерти Пушкина, и ожидалъ чего-то великаго отъ молодыхъ поэтовъ. Я даже предугадываю, — приговорилъ онъ, — что на развалинахъ, со временемъ забытой славы Пушкина, водружится слава Бенедиктову.

Считая славу Пушкина безсмертною, подобно славѣ незабвенныхъ поэтовъ Державина и Ломоносова, славѣ безсмертнаго Карамзина, и не соглашался чтобы слава Пушкина, столь ярко оза-

рившая горизонтъ литературнаго міра въ нашу вѣкъ, могла когда нибудь подвергнуться чернымъ флеромъ забвенія.»

«Пушкина нельзя еще сравнить съ Державиннымъ и Ломоносовымъ; возражалъ Петръ Павловичъ, — онъ такъ же далекъ и отъ Карамзина, которые должны быть бессмертными потому, что Ломоносовъ давъ новой оборотъ стихотворенію возродилъ поэзію, а Карамзинъ заговорилъ первый чистымъ Русскимъ языкомъ, и всѣ сердца отозвались на его голосъ.

— «Но и Пушкинъ, сказалъ я — въ нашу вѣкъ, первый началъ плѣнять читателей новою игрою словъ, удивительною легкостію, и чистою слога.»

— Не ужели же въ нынѣшнее время, когда Россія исполняскими шагами идетъ къ самобытности въ образованіи, писатели наши должны продолжать вѣнчать протекшихъ.

— «Нѣтъ! присовокупилъ Вѣра Николаевна—паступленіе каждаго вѣка должно быть улучшеніемъ языка отечественнаго.»

— «Это исполнили недавно наши писатели, — сказалъ я обратясь къ Вѣрѣ Николаевнѣ. Назадъ тому не болѣе пяти

лѣтъ литература наша получила быстрый переворотъ.»

— Но Пушкинъ только предупредилъ ихъ, взявъ отъ природы живое изображеніе, и высокіе таланты, и сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать; но впрочемъ онъ не оставилъ намъ ничего сахобытнаго.»

Тутъ мы пустились въ море разсужденій. Разговоръ нашъ болѣе и болѣе разгорался, во время котораго Вѣра Николаевна удивила меня своими природными талантами, остротою ума и высокими образованіемъ. Она также имѣла живое воображеніе впрочемъ строго подчиненное разуму, и сильные порывы чувствъ ея не выходили изъ предѣловъ. Я съ восхищеніемъ слушалъ ея разсужденія, каждую мысль ея, и каждое слово ловилъ съ удовольствіемъ, котораго конечно не лишился бы такъ скоро, если бы пошедшій слуга не доложилъ намъ, что кушанье уже готово.

Мы пошли къ столу.

Ужинъ былъ не богатый, но вкусный; послѣ котораго мнѣ показали комнату, и я откланявшись милымъ хозяевамъ,

и поблагодаривъ ихъ за пріятный вечеръ, отправился въ объятія Морфея.

Ночь проведена была въ покойномъ и пріятномъ снѣ. — На утро я проснулся позже обыкновеннаго времени, первая мысль моя была ускорить отъѣздомъ. Приставъ съ постели я взглянулъ въ окно. День былъ пасмурный; — небо мрачно; нахмуренныя облака грозили проливнымъ дождемъ. Борьба стихій прошедшаго дня во всей чернотѣ отразилась въ моей памяти. — Сердце мое наполнилось ужасомъ; но краткость времени, которыхъ я дорожилъ, понуждала меня къ отъѣзду. Носивши вставъ съ постели, я началъ одѣваться. Въ это время вошелъ ко мнѣ Петръ Ивановичъ и поздравилъ его съ наступленіемъ дня, и поблагодаривъ за пріятную квартиру, просилъ позволенія отправиться въ путь.

— «Какъ вамъ несовѣстно, милостивый государь, — сказалъ Петръ Ивановичъ, — рисковать своимъ здоровьемъ, смотрите какая сырая погода; кажется, сама природа заставляеть насъ выжить день пробить въ нашемъ домѣ.»

«Съ удовольствіемъ бы... но я, право, дорожу временемъ.»

— « При томъ же нынѣ, — прибавилъ Петръ Ивановичъ, — день рожденія моеи супруги, и вы должны уступить требованію случая: въ этохъ васъ обязываютъ законы приличія.»

« Вы дѣлаете мнѣ большую честь, и я за счастье почесть бы дѣлать съ вами радость, еслибъ только скорое исполненіе моихъ нахвреній не побуждаетъ меня къ отъѣзду.»

— « По вели вы упрямы предо мною, то нахврно не устоите противъ убѣжденія и просьбъ Вѣры Николаевны.» Съ этими словами Петръ Ивановичъ взялъ меня за руку и повелъ въ комнату своей супруги.

Вѣра Николаевна давно уже встала, и принимала отъ всѣхъ домашнихъ поздравленія. Она была одѣта въ утреннее платье, которое придавало ей болѣе красоты и любезности. Сидя въ своихъ креслахъ, она принимала всѣхъ ласково; даже самые крестьяне приближались къ ней безтрепетно, жаловѣтныи ихъ дѣти, подходя безъ робости, цѣловали ея руку; на лицахъ ихъ живо рисовалась сыновняя любовь, сопряженная съ радостью. Вѣра Николаевна ласкала малютокъ и раздавала имъ гостинцы. Я

но смѣлъ прервать ея занятіи, и стоя позади, долго любовался этою картиною, пріятною для чувствительнаго сердца. Поздравленіе окончилось подиркомъ Аделинъки, дочери Петра Ивановича, которая поднесла своей матери рюмку Херувима. После чего и я, подойдя къ Вѣрѣ Николаевнѣ, поздравлялъ ее со днемъ ея рожденія. Петръ Ивановичъ разсказалъ о моемъ намѣреніи отправиться въ путь до обѣда. Вѣра Николаевна обратилась ко мнѣ съ убѣжденіями, которые принудили меня противъ воли моей изъяснить желаніе пробыть у нихъ до вечера.

Въ двѣнадцать часовъ, начали съѣзжаться гости и чрезъ два часа около подъѣзда площадь была уставлена различными экипажами разставленными въ систематическомъ порядкѣ. Между тѣмъ дѣлались приготовленія къ обѣду. Въ три часа накрытъ былъ столъ; начали садиться; Петръ Ивановичъ назначилъ мнѣ мѣсто подъ себя и своей дочери. Подали кушанье; гостя сначала были угрюмы, вѣроятно отъ того, что, приготовляясь къ большому обѣду, она прошлые сутки провела въ постѣ; за-

мореплавательный аппаратъ ихъ требовалъ потерпѣливаго удовлетворенія, и взоры каждаго изъ нихъ устремлены были на стоявшіе передъ ними приборы. За горячимъ кушаньемъ, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки, охлаждавшее вожаніе ихъ разогрѣлось, и глубокое безмолвіе уступило мѣсто тихому разговору, который мало по малу началъ разгораться.

И оставался еще въ сферѣ прежняго безмолвія. Наконецъ, коснувшійся до меня разговоръ сорвалъ и съ меня покрывало молчанія: нѣкоторыя изъ гостей склонили рѣчь свою къ цѣли моего путешествія.

Одинъ изъ гостей началъ покатъ, и поднималъ вверхъ произнесъ громко: «за здравіе Вѣры Николаевны!» Вмигъ загрѣли тосты и разговоръ нашъ разсѣялся въ звукъ шумныхъ поздравленій.

Послѣ обѣда вскорѣ подали кофе. Аделаидка сѣла за фортепьяны и для поздравленія своей матери начала играть приготовленный ею кантъ. Во весь продолженіе игры я со вниманіемъ слушалъ содержащееся въ кантѣ, и подвигался въжимымъ ее голосомъ который слывался съ стройнымъ звукомъ фортепьянъ.

Между тѣмъ день клонился уже къ вечеру, и я началъ заботиться объ отъѣздѣ; но Петръ Ивановичъ и Вѣра Николаевна неотступными своими просьбами прппудила меня еще остаться на ночь, обѣщаясь на другой день къ вечеру на своихъ лошадяхъ доставить меня въ Тулу. Оставшись противъ лолд и желанія, пазъ одного только уваженія къ просьбамъ почтенныхъ и радушныхъ хозяевъ, я весь вечеръ провелъ съ принужденною веселостію, и на утро, послѣ чаю, простясь съ почтеннымъ Петромъ Ивановичемъ и милымъ его семействомъ, я отправился въ путь.

Время въ городѣ текло не примѣтно; величіе природы, поражая меня разнообразными впечатлѣніями, вливало въ душу сладостные призывы умиленія. Въ ирїятной разсѣянности я неприятно прискакалъ въ Тулѣ, и къ вечеру, когда солнце не закатилось еще за горы, и яркіе лучи его играли на разноцвѣтной скатерти, раскинутой по земному шару, я въѣзжалъ уже въ городъ Тулу.

ГЛАВА 4.

ТУЛА.

Възвѣдъ въ городъ Тулу былъ при закатѣ солнца, по той самой улицѣ, которая, назадъ тому около трехъ лѣтъ, была жертвою непосытнаго пламени; между развалинъ жилищъ поросшихъ уже травой, видѣлись еще слѣды свирѣпаго пожара. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, проѣзжая въ Одессу, я видѣлъ Тулу по всемъ ея величiямъ, которыми она хвалилась предъ соотѣственными городами, какъ гордый Римъ предъ прочими державами мiра; по нымъ, лопупоглащенная злѣнѣхъ жаднаго пламени; она склочила надмѣпную свою голову.

Сердце мое на каждомъ шагѣ поражалось соболѣзнованіемъ; изъ груди моеи вырвался глубокій вздохъ, и слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Мражельный грустнымъ впечатлѣніемъ, я въѣхалъ въ городъ съ черными мыслями и съ грустью въ сердцѣ. Наступленіе ночи не позволило мнѣ отыскать моихъ знакомыхъ, и принужденъ быть остановиться въ гостиницѣ. Вечеръ встрѣченъ былъ въ мрачныхъ волшебныхъ души; какія-то грозныя предчувствія сердца рисовались въ моемъ воображеніи въ видѣ черныхъ видѣній безъ образовъ, которыя толпились въ продолженіе цѣлой ночи, и богъ не въ силахъ былъ отогнать ихъ благотельнымъ крыломъ своимъ.

Бываютъ да и должны быть въ жизни минуты, когда душа, проникая таинственнымъ своимъ взоромъ въ невидимое намъ пространство будущности, улавливаетъ тамъ скопляющуюся тучу бѣдствій, которая съ трескомъ снѣшитъ разразиться надъ нами, и съ трепетомъ ожидаетъ удара; и этотъ трепетъ души отражается въ зловѣщемъ предчувствіи нашего сердца. Это оправдалось рѣз-

скимъ для меня доказательствомъ—собственнымъ моимъ опытомъ.

Тревожимый мрачными мыслями, и всю ночь провелъ въ мучительномъ волненіи сердца. Ни на минуту вѣжды мои не смыкались уладительнымъ сномъ, черныя картины отражавшіяся въ представленіяхъ недремлемой души, сопровождалась въдрагиваніемъ физическихъ нервъ моихъ, и только предъ утромъ морфей, сжалась на до мною; на минуту покрылъ меня облакомъ самозабвенія; по это забвеніе скоро развѣлосъ въ шумъ встающихъ въ доми служителей.

Проснувшись съ тѣми же тягостными мыслями, и съ тою же грустью сердца, я быстро всталъ съ кровати, и началъ одеваться. Первое желаніе мое было идти въ Соборъ, который и прежде привлекалъ мое вниманіе, какъ готическимъ своимъ строеніемъ снаружи. такъ и древною живою живою Одышию на скоро, и пошелъ въ Соборъ; подходя къ церкви, я остановился, на соборной площади, и вперилъ взоръ свой на клубящіяся толпы поселянъ, съѣхавшихся для торга. — Панорама кинучей дѣятельности, отбѣлая бурливую картину клочущей бездны водъ, поражала

меня разительнымъ впечатлѣніемъ: прикованный вниманіемъ къ сферѣ торговой дѣятельности, я слѣдилъ заорожъ за толпами волнующагося народа, и наблюдалъ за переливами не умолкаемыхъ голосовъ; илѣ правилсь гулы громкихъ разговоровъ черп, которые, сливаясь въ одно отзвучіе, разсыпались въ толнѣ многолюдства, и замирали среди новыхъ звуковъ говора; потому слова рождались, и заглушаемые звукомъ другихъ голосовъ, снова замирали. Площадь сравнивалъ я съ океаномъ, покрытымъ пѣнящимися волнами; толпащійся груины народа съ перекатами буруновъ; въ переливахъ громкихъ голосовъ созерцалъ я свирѣпую бурливуюсь волнѣ.—
Друзья! въ грустныя минуты жизни нерѣдко утѣшаютъ насъ и дѣтскія забавы.

Я не вышель еще изъ области дѣтскихъ наблюденій, какъ увидѣлъ подходящаго ко мнѣ молодого человека въ сопровожденіи лакея; походка его была илѣ знакома, но по причинѣ высокаго воротника шинели не возможно было рассмотреть его лица. Вскорѣ онъ приблизился ко мнѣ и я пораженъ былъ живѣйшимъ порывомъ восторга. Это

былъ мой двоюродный братъ, Ватскій похѣщикъ Р...ъ, съ которымъ мы воспитывались въ одной колыбели младенчества, и съ дѣтекихъ лѣтъ, кромѣ уаъ родства, сопряжены были узами взаимной приверженности и дружбы. Судьба, веселясь нашимъ отроческимъ дружествомъ, приняла, кажется, насъ подъ свое покровительство, и по разлучая въ юности, она соединила и въ мужестве. Въ Москвѣ мы имѣли общую съ нимъ квартиру, его желанія согласовались съ моими желаніями; мои намѣренія удивительнымъ согласиемъ соответствовали его намѣреніямъ и отрезвѣнія нашей воли никогда не разнообразились въ единствѣ своихъ дѣйствій. Однихъ словомъ я и молодой Р...ъ имѣли, такъ сказать, одну душу, разлитую въ двухъ тѣлахъ.

Печальное свиданіе мое тѣмъ болѣе было приятно, что я съ братомъ моимъ прощался около трехъ мѣсяцовъ. Дряхлость престарѣлаго отца его, и разстройство имѣнія требовали его присутствія на родинѣ. Обрадованный печальною встрѣчею, я кинулся съ распростертыми объятіями къ груди моего брата, но

вдруг пораженъ былъ удивленіемъ, когда увидѣлъ на лицѣ его сквозь рдѣвшійся пламень радости отраженіе слѣдствъ глубокой грусти. Въ сердцѣ моемъ вихули грозныя предчувствія, которыя я силился утишить.

Но итъ! пошлите мнѣ друзья!

Не дремъ сердце въ насъ шематея;

Иль грозной молніи струя,

Иль роковой ударъ стрелитея.

Подстрѣлкаемый любопытствомъ и желаніемъ раздѣлнить печаль моего брата, я просилъ его открыть мнѣ причины сердечной скорби!

«Ахъ, любезный братъ! — сказала онъ послѣ тяжкаго вѣдоха одна только радостная встрѣча съ тобою могла на мигу охладить грусть клокочущую въ недрѣ моего сердца, подобно лавѣ въ бездонной груди Этны, но... я несчастенъ!... Роковой ударъ судьбы, грозно сразивъ меня, повергъ въ отчаяніе. Я потерялъ супругу... мою милую Лизу....»

Тутъ слезы градомъ брызнули съ отягченныхъ рѣсеницъ его, и онъ, въ ослепломъ волненіи, упалъ на грудь мою.

Пораженный извѣстіемъ о потерѣ его

супруги, сердечно мною любимой, я не въ силахъ былъ подать ему надлежащей помощи; однако кое-какъ сохранивъ присутствіе духа я поддержалъ его, и подзававъ лавоцика, при помощи лакея, посадилъ его на дрожки и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ его квартиру.

Черезъ три часа братъ мой пришелъ въ себя; но на лицѣ его и въ чертахъ отражалось волненіе сердца и скорбь души. Я не смѣлъ вскорѣ безпокоить его своими вопросами, но когда прилично утѣшилось сердечное его волненіе, и на лицѣ проглянуло свѣтлый лучъ покоя, я просилъ его разсказать подробно о случившемся съ нимъ несчастіи.

«Да, милой братъ мой! — сказать опъ, снова неустанно тяжельмй вздохъ — свирѣпая судьба, ласкавъ меня счастіемъ отъ колыбели, скопляли кипучую тучу бѣдствій; чтобъ однимъ трескомъ, разрядивъ ее надо мною, повергнуть меня въ иступительное отчаяніе. — Тебѣ извѣстно, что при первомъ слухѣ о бѣдѣ моего родителя, я принялъ намѣреніе ускорить отъѣздомъ на родину; но нѣкоторыя домашнія занятія задер-

жали меня въ Москвѣ, и я проводивъ мою Лизу, остался на время въ столицѣ.»

«Окончивъ свои дѣла, я поѣхалъ на родину. — Жажущій насладится лицеармянскъ почтеннаго родителя, и свидѣсь съ моею женой я огневною стрѣлою летѣлъ въ объятія отца и супруги. На третій день быть уже въ предѣлахъ отчизны; сердце мое горѣло нетерпѣніемъ успокоиться въ объятіяхъ родныхъ; я уже поѣхалъ на навѣстный тебѣ холмъ, столицій, надъ утѣсистымъ берегомъ извилистой рѣки, при крутомъ полукругломъ поворотѣ рѣчнаго стрежени, гдѣ мы подъ тѣнью дремучихъ дубравъ, часто съ тобою рисовали въ мысляхъ дѣтскомъ воображеніи картины будущаго счастья. При вѣздѣ на вершину хлѣма, я перенесся мыслию въ протекшее поприще нашего младенчества, вспомнилъ о мечтахъ нашего дѣтства и погрузился въ сладостное созерцаніе беззаботныхъ дней невинности.

Вдругъ предо мною показался густой черной дымъ и вскорѣ страшное пламя, выходя изъ средины густаго дыма, озарило горизонтъ, я приказалъ понудить лошадей и носкакалъ полетомъ зюпра. Подъѣзжая къ колыбеди моего дѣтства,

я оцепенѣлъ отъ ужаса: дохъ моего родителя былъ въ объятіяхъ свирѣпаго пламени. Дикій вопль крестьянъ навѣстилъ меня, что отецъ мой со всѣмъ семействомъ находится внутри дома, объятаго со всѣхъ сторонъ огнемъ. Сыщонная горичность сопряженная съ супружескою любовью не дозволила мнѣ разсматривать предстоящую опасность; я кинулся въ пламень, и по подурзваланншимся лѣстницамъ вошелъ внутрь дома. Испуганное семейство кидалось къ окнамъ съ нижняго этажа, но престарѣлой отецъ мой лежалъ наполу, покрытый смертною блѣдностію; подлѣ его сидѣла моя Лиза, какъ видно было, хотѣла лучше быть жертвою пламени, нежели оставить моего отца среди очевидной опасности. Я поспѣшно схватилъ драгоценную ному, и сквозь дыма и пламени съ радостью вынесъ ихъ изъ дому. Но мнѣ не суждено было восхищаться этою радостію: — испуганная Лиза черезъ два часа на рукахъ моихъ испустила духъ.»

«Представь себѣ весь ужасъ моего положенія! — Я совершенно рхнулся ума, и облако нестунительнаго самоуб-

венія покрыло меня. Въ пылу сильнаго безпамятства прижавъ къ груди бездушное тѣло жены моей, и съ нимъ неподвижно; люди старались вырвать изъ объятій моихъ предметъ раздраженій мое сердце; но сколько не силились, всё старанія ихъ оставались тщетными. Наконецъ сила многочисленнаго восторженства пала надъ силою безумія, и бездушное тѣло жены моей было у меня отнято, и меня насильно отвѣли въ комнату дворецкаго, уцѣлѣвшую отъ напоровъ пламени.»

«Между тѣмъ жадный пожаръ насытился поглощеніемъ нашего дома; свѣрѣное пламя стихло; устранившиеся опасноотію люди начали мало по малу приходить въ себя. Мать моя и сестры, усноковивъ въсколько неугаиваема опасностию, и убитаго горестію отца моего, обратились ко мнѣ, старались всѣми силами привести меня въ чувство, но тщетно: я совершенно лишился памяти и разсудка.

«Около мѣсяца быть я въ безпамятствѣ, наконецъ попеченія родныхъ и старанія лекарей возвратили мнѣ разсудокъ. Пришедъ въ чувство, я спра-

пивалъ о своей женѣ, но она уже покоилась въ недрахъ могилы подъ вѣковой грудью земли. Скорьбъ о потерѣ сунруги впилась въ мое сердце и покрывало мрачной задумчивости спустилось на чело мое; ни поученія иъжной моей матери, ни ласки сестеръ не могли сорвать его. Сердце щемилось грустью, и лице мое никогда не осынялось веселостью.»

«Мать моя предложила мнѣ предпринять путешествіе; я согласился на ее желаніе, но она по видимому старалась только отдалить меня отъ новой картины горести: ибо отецъ мой, убитый испугомъ, и удрученный скорьбою о потерѣ собственности, повергся въ болѣзнь; смерть моей жены довершила равстройство его здоровья; онъ грустилъ, и силы его примѣтно слабѣли. Я отчаянаюсь по возвращеніи моемъ застать его въ живыхъ, одна мысль, что не буду свидѣтелемъ похоронъ моего родителя и не воздамъ у гроба его послѣдней ему тризны, раздражаетъ мою внутренность и опечаливаетъ мое сердце....»

Тутъ братъ мой замолкъ и черныя думы примѣтно начали спускаться на

омраченное печалію чело его. Я употребилъ все средства къ его разсѣянію, и старанія мои успѣвались успѣхохъ. Мнѣ удалось ослабить его горесть.

Цѣлой день провелъ я въ квартирѣ моего брата. Неприязненно принужденная веселость моя, шуточные разсказы, воспоминанія дѣтства и дней счастливой молодости, возвратили ему нѣкоторую живость его характера. Нахмуренное чело брата полегчало, и даже сквозь дымку задумчивости проглядывала веселая улыбка.

Начало вечерять; я хотѣлъ идти въ свою квартиру, но братъ мой священнымъ ижеземъ нашего дружества заклиналъ меня не оставіять его во все время пребыванія моего въ Тулѣ, и просилъ переѣхать на его квартиру. И не смѣлъ отказать просьбамъ единственнаго брата, и въ то же время на его лошади съѣздилъ въ гостиницу и все свое имущество перевезъ къ нему въ квартиру.

Вечеромъ я предложилъ брату сопутствовать мнѣ въ Воронежъ. Онъ охотно принялъ мое предложеніе и съ наступленіемъ будущаго дня мы согласились отправиться въ путь въ его окциажѣ.

Ночь была покойна, больной, при всѣхъ моихъ опасеніяхъ, провелъ ее въ пріятномъ снѣ. Веселое утро дня было предвѣстіемъ веселости унылаго моего брата. Вставъ съ постели, мы начали готовиться къ отъѣзду. Между тѣмъ вечеромъ данныя распоряженія были исполнены; лошади уже стояли у подъѣзда и мы, напившись чаю, отправились въ путь.

Прелести весны, пріятная погода, веселые дни, имѣли благотворное вліяніе на здоровье больного. Онъ пріятно началъ поправляться; лице его сіяло веселостію и душевное уныніе слабо отбилось на ономъ. Я душевно радовался спокойствію моего брата. — Но увы! радость моя была только предвѣріемъ новаго удара, новой горести. Я не успѣлъ еще оплакать потери жены моего брата, не успѣлъ еще памяти ея занять долгъ признательности, надомной уже скопилась новая гроза роковаго грома.

Подъѣзжая къ городу Ельцу, мы любовались веселыми его окрестностями, кремнистый скатъ горы, при въѣздѣ въ городъ, далъ намъ возможность об-

яты взоромъ Елецъ во всеиъ его величїи и красотѣ. Пустивъ лошадей тихимъ шагомъ мы вышли изъ коляски, и озираясь во все стороны, восхищались прїятностями мѣстоположенїа.

Но вдругъ восхищенїе мое прервано было крикомъ брата; въ испугъ я взглянулъ на него и ужаснулся. Блѣдный, какъ смерть онъ ринулся къ ногамъ моимъ; дыханїе замерло на его устахъ, и мертвенность разлилась по всему лицу. — Я старался открыть причину удара, и обративъ въ ту сторону взоръ свой, въ которую смотрѣлъ онъ, увидѣлъ деревню, объятую пламенемъ. Не трудно было разгадать, что при видѣ пожара—причины его бѣдствїи, все рапы сердца его раскрылись, пламя горестныхъ чувствъ вспыхнуло внутри его.

Оставивъ лошадей, я съ помощїю лакѣя, положилъ его въ коляску; надѣясь въ скорости прибѣгнуть къ искусству лекарей.

Между тѣмъ мы вѣхали въ городъ; я приказалъ остановиться въ лучшей гостиницѣ, желая доставить больному спокойную квартиру. Мы вѣхали на дворъ гостиницы; братъ мой очнулся,

по силы его такъ были слабы, что онъ при помощи моей едва могъ выдти изъ коляски. Я выбралъ комнаты изъ первыхъ номеровъ; внесъ больного и положилъ на кровать. Первое распоряженіе мое было послать за лекаремъ; но къ счастью одинъ изъ полковыхъ Штабъ-Лекарей, провѣдомъ чрезъ Елецъ, остановился въ той же самой гостиницѣ. Я послалъ попросить его; добродушный и челоѣколюбивый лекарь не отказался въ то же время исполнить мою просьбу, и осматрѣвъ больного, тихо сказалъ мнѣ съ видомъ прискорбія: «Въ немъ сильное воспаленіе въ крови какого мнѣ еще въ жизни моей не случалось видѣть. — Не тратьте на лекарства: здѣсь медицина уже излущина, и исцѣленіе его болѣзни зависить отъ воли Божіей; постарайтесь только совершить надъ нимъ долгъ Христіанскаго обряда.»

Представляя себѣ близкую смерть брата, я оцѣпенѣлъ отъ ужаса, но сохранилъ присутствіе духа, и поручивъ его волю небеснаго врача, стараясь только ускорить напутствованіемъ по долгу Христіанства. Послѣ исповѣди и Св. Причастія онъ нѣсколько утѣхъ, и благоот-

ворный сонъ слетѣлъ на его вѣжди; но вдругъ во время сна открылись въ немъ сильныя спазмы, продолжавшіяся до самаго вечера; жизнь его примѣтно гасла; онъ быстро началъ приближаться къ гробу, и въ десять часовъ вечера я обнималъ уже охладѣвшее тѣло моего брата.

Не хочу описывать моей горести. Да и возможно ли вполне обнаружить естественныя изгибы сердца: пылъ восторга и кипучая бездна горестныхъ чувствъ могутъ только объясняться языкомъ сердца, краснорѣчивѣйшимъ изъ всѣхъ языковъ въ свѣтѣ. Если кто нибудь пораженъ былъ потерею существа милого сердцу, тотъ вполне можетъ представить всѣ ужасы иступительнаго отчаянія.

Но сколько бы ни сильна была грусть, сколько ни велико было отчаяніе, — рука времени погашаетъ пламя горестныхъ волненій сердца, и когда предметъ, поражающій насъ грустными, иступительными впечатлѣніями, сокрытъ будетъ отъ глазъ нашихъ, иступленіе уступитъ мѣсто горести, горестъ унылію, которое со временемъ разсѣивается въ грусть, довыхъ, впечатлѣній.

Предавъ тѣло брата землѣ, я мало по малу началъ выходить изъ объятій горести; тяжкія вздохи стихали въ груди моей, и потеря начала казаться мнѣ общою данью природы. Я уже могъ свободно распоряжаться своими дѣлами, и исполнить послѣднюю его волю: я отослалъ все извѣстіе на родину съ извѣстѣемъ о его смерти, и простясь съ тѣми мѣстами, которыя ежеминутно напоминали мнѣ о потерѣ лилаго моего брата, я отправился въ Задонскъ. †

ГЛАВА 5.

ЗАДОНСКЪ.

Не доѣзжая двѣнадцати верстъ до города Задонска, показался взору нашему монастырь, гдѣ покоится тѣло Пресвященнаго Тихона, котораго имя столь часто слышется съ языка каждаго путешественника, странствующаго по Святѣмъ мѣстамъ въ Россіи.

Рѣдкій изъ путешественниковъ посѣщавшихъ Кіевъ, колыбель Русской Святѣины, изъ которой возникъ свѣтъ истиннаго Богопознапія, и озарилъ горизонтъ Россіи,—рѣдкій, говорю, изъ нихъ не посѣщалъ Задонска, и не совершилъ священной тріазны надъ гро-

бонъ Святителя Тихона, еще при жизни своей прославившагося добродетелью. Общее уваженіе къ его памяти и слава добродетельной жизни со времени самой его смерти влекли къ нему сердца поклонниковъ; но особенно нынѣ, когда въ гадръ города Воронежа воссияла новая благодать Божія, в слава новаго угодника и Чудотворца Митрофана съ шумомъ разлилась въ предѣлахъ Россіи, Задонскій монастырь началъ изволителъ многолюдствомъ путешественниковъ..

Накопецъ мы подъѣхали къ Задонску который, выскль на двухъ холмогорахъ отражался въ красивомъ видѣ. При въздѣ въ городъ взоръ мой обращенъ былъ на монастырь, коего возвышенное живоположеніе, красивое и огромное строеніе могутъ привлечь вниманіе каждаго путешественника.. Желая лучше познакомиться съ обителью, я предпринялъ нахреніе остановиться въ монастырской гостинницѣ. Настоятель монастыря Архимандратъ Д... .й принялъ меня кротко, осмыпалъ ласками, и приказалъ отвести мнѣ покойныя комнаты. Нетерпѣливое любопытство мое въ тотъ же день заставило меня обозрѣть

обитель я кипуть на все историческій обзоръ.

Монастырь этотъ стоитъ внутри города, на открытомъ высокомъ косогорьѣ при склонѣ къ рѣкѣ Дону; расположеніе его квадратное. Посреди монастыря возвышается церковь во имя Свѣтленія Богородичной иконы Владимірской; надъ входомъ въ монастырь выстроена двухъ-этажная гостиница для принятія богомольцевъ, изъ середины коей выдмается величавую главу свою огромная колокольня.

Подстрѣкаемый любопытствомъ, я подивлялъ завѣсу древности и хотѣлъ кипуть бѣлымъ взоръ на начальное пропехожденіе монастыря; но оно, бывъ покрыто слоями вѣковъ, подвернулось иракомъ неизвестности. Основаніе монастыря преданіе относитъ двухъ неизвестнымъ старцамъ Кириллу и Герасиму. Съ самаго начала обитель эта называлась Задонскою, Тешевскою, Богородицкою. Первое названіе произошло отъ того, что монастырь съ Московскою стороны находится на Дону; второе отъ рѣки Тешевки, подъ нить протекающей; а третье отъ храма, сооружен-

паго во имя иконы Богородицы Владимирской.

Обитель эта получила новый видъ въ концѣ XVIII столѣтія стараніемъ Настоятеля Тимофея; а особенно прославилась, и возшла на ступень громкой славы въ недавнія времена именемъ Преосвященнаго Тихона I, Епископа Воронежскаго, жившаго тамъ на покой тринадцать лѣтъ до самой своей кончины, котораго доблестная жизнь, удивительная добродѣтелью и подвигами по сіе время вливаетъ въ сердца религіозныхъ людей прелевыя благоговѣнія.

ГЛАВА 6.

ВЪЪЗДЪ ВЪ ВОРОНЕЖЪ.

—

Солнце, садясь за горы, играло лучами своими на позлащенныхъ куполахъ церквей; багряная зари, простерши объятія, принимала на свое ложе свѣтозарпаго цара дней; съ потухающимъ свѣтиломъ дня, природа покрывалась черною ризою ночи. Я приближался къ Воронежу; дорога была песчана, и истами промыта отъ дождевыхъ прогоковъ; мрачныя и угрюмыя окрестности, поражаая упылыми впечатлѣніями, не могли привлечь моихъ взоровъ, жаждущихъ впечатлѣній плавнительныхъ, единъ только возвышенности пригорковъ,

увѣнчанныя молодыми кустарниками, представляли довольно пріятные виды. Я подѣхалъ къ заставѣ.

Въѣздъ въ Воронежъ былъ довольно пріятнымъ: ибо въ эту минуту раздавался звонъ колоколовъ, возвѣщавшій окончаніе всенощнаго бдѣнія. Въѣхавъ въ городъ, я спросилъ дорогу къ монастырю Св. Митрофана; мнѣ показали улицу, въ концѣ которой, на отлогомъ пригоркѣ, величественно высился монастырь. Прель пять минутъ я былъ у воротъ этой обители.

Послѣнно сойдя съ повозки, я вошелъ въ монастырь; площадь устья была народомъ, который выходилъ изъ церкви по окончаніи всенощнаго бдѣнія. — Это были поклонники Чудотворца, жители разныхъ городовъ, коихъ слава Угодника привлекла съ всѣхъ сторонъ Россіи: съ крутизны Иртыша, съ бархатныхъ луговъ Лены, съ утесистыхъ крѣпиль Давира, съ береговъ широкой Волги, съ дѣвствующихъ долинъ Оби и быстро текущей Новы. Они стеклись подъ горизонтъ, освѣщенной славою Чудотворца, принести жертву хвалы и фимиамъ моленій.

Вечерняя тоскота, и кипучее эн-
зическое силъ не позволили мнѣ впол-
нѣ рассмотреть монастырь, и я, кинувъ
только на него бѣглый взоръ, началъ
въ группахъ толпящагося народа мѣкать
привратника; чтобъ спросить, гдѣ оста-
навливаются проезжающіе?

— « Вотъ въ этой гостинницѣ » ска-
залъ мнѣ какой-то незнакомецъ, пока-
зывая на крайній домъ противъ мона-
стырскихъ воротъ, окруженный экипа-
жами.

Я послалъ ящика узнать если тамъ
незаняты комнаты, и въ разкрытое ок-
но гостинницы спустилось съ языка
хозяина « нѣтъ! но если вамъ не пока-
жется безпокойно, то подлѣ монастыря
однѣ С. Петербургскій житель содер-
житъ домъ для принятія бѣдныхъ стра-
нниковъ, въ которомъ можно будетъ най-
ти особую комнату. »

Усталость и яракъ ночи не позволя-
ли мнѣ отыскивать другихъ гостинницъ,
необходимость заставила меня искать
ночлега въ страпповришиномъ домѣ. Я,
поблагодаривъ сказавшаго за его уча-
стіе въ отысканіи квартиры, тихими
шагами пошелъ къ пріюту бѣдныхъ.

Въ сердцѣ моемъ свирѣпствовала борьба благоговѣйныхъ чувствъ съ неудовольствіемъ. Я вошелъ въ квартиру станнопріимца.

Небольшія комнаты наполнены были богомольцами. На порогѣ встрѣтилъ меня человекъ среднихъ лѣтъ, пріятной наружности, на лицѣ коего, сквозя радшіе, ласковость и самодовольствіе, выглядывала простота души, сопряженная съ простотою сердца; въ немъ не видно было строгой подчиненности пустымъ приличіямъ свѣта. — Это былъ самъ хозяинъ страннопріимнаго дома.

При первой моей рекомендаціи, безъ дальнихъ распросовъ, онъ предложилъ мнѣ небольшую, но во вкусѣ отдѣланную комнату, и поручилъ ее въ полное распоряженіе во время пребыванія моего въ Воронежѣ. Пока я располагался въ комнату, хозяинъ дома помогалъ лицику моему вносить пзъ повозки дорожный мой багажъ. Отпустивъ лошадей я отдалъ даль усталости. Между тѣмъ гостепріимный хозяинъ заботился о приготовленіи чаю, вскорѣ подать былъ самоваръ, за которымъ мы короче познакомилась съ хозяиномъ, и сердца

наши связались взаимнымъ другъ къ другу уваженіемъ.

Движимый любопытствомъ, я желалъ узнать о прежнемъ образѣ жизни новаго моего апакожца, и о причинѣ перемѣщенія его изъ столицы въ Воронежъ, и онъ не смотря на разнообразіе заботъ, отвлекавшихъ его по дѣламъ хозяйственнымъ, согласился удовлетворить моему желанію. Онъ рассказалъ мнѣ краткую исторію своей жизни, изъ которой я узналъ, что въ самой еще юности своей почувствовалъ онъ склонность къ уединенію, и любовь къ монашеской жизни. Но считая это порывомъ временнаго желанія, рѣшился напередъ испытать себя въ перенесеніи монастырскихъ трудовъ. Изъ всего разказа особенно понравилось мнѣ его самоотверженіе для бѣдныхъ.

«Послѣ нѣхъ дальнихъ путешествій, говорилъ онъ, предпринимавшихъ мною какъ для поклоненія Св. Угодникамъ, такъ и для испытанія себя въ странственной жизни, я рѣшился наконецъ еще исполнить непреодолимое желаніе мое отправиться въ Иерусалимъ для поклоненія гробу нашему Спасителю. Недостатки,

могуще встрѣтиться на пути, были обезпечены какъ собственнымъ моимъ состояніемъ, такъ и со стороны моихъ родственниковъ. Изъ Москвы я намѣренъ былъ направить путь прямо къ Іерусалиму; но вдругъ возродилось во мнѣ желаніе побывать въ Воронежѣ для поклоненія мощамъ Св. Митрофана, къ которому стремятся все жители отдаленныхъ странъ нашего отечества. Съ Тулы повернулъ я въ Воронежъ. Любовь и почтеніе къ памяти великаго Чудотворца сохраняли меня на пути. Скоро достигъ я здѣшняго города. Прибывъ, подобно вамъ, вечеромъ, при закатѣ солнца, я затруднялся въ отысканіи квартиры.

«Я не забывалъ о себѣ; но въ кругу шпоголюдства, съ конки я пилъ разговоръ, много было людей бѣдныхъ, прибывшихъ въ Воронежъ, какъ говорится, безъ копейки; нѣкоторые изъ нихъ даже тожились болѣзнями. Ихъ вопли и жалобы раздирали мою внутренность; сердце мое отъ жалости обагралось кровію»

«Обуреваемый жалостію, побуждаемый состраданіемъ, я провелъ почти

цѣлую ночь безъ сна; вздохъ бѣдныхъ, стоны больныхъ, поражая слухъ мой раздирали сердце, и я принялъ намѣреніе оставить путешествіе въ Іерусалимъ, и посвятить себя на пользу бѣдныхъ; но въ чужбинѣ среди незнакомаго края, безъ родства и безъ друзей, я не смѣлъ скоро рѣшиться на свое предпріятіе. Я имѣлъ нужду въ совѣтахъ и слава о добротѣ души и кротости здѣшняго Преосвященнаго А. . . . я воодушевили меня; я рѣшился въ немъ искать себѣ покровителя, и желаніе мое увѣнчалось успѣхомъ. Благотворительный Пастырь одобрилъ мое намѣреніе, и въ исполненіи его поткрѣпилъ меня своимъ святительскимъ благословеніемъ. Не медля ни мало я приступилъ къ дѣлу.

«У меня было денегъ достаточно, вѣсть съ этимъ я надѣялся на покровительство Владыки; а болѣе на помощь Св. Угодника Митрофана, который, конечно, не оставитъ безъ помощи добраго дѣла.

«По утру напаялъ я квартиру, съ пожертвеніемъ принимать къ себѣ бѣдныхъ богомольцевъ, и снабжать ихъ пищею бездеменно. Съ тѣхъ поръ домъ этотъ

сдѣлался убѣжищемъ страпныхъ и пріютомъ больныхъ.

«Преосященный Архипастыръ не рѣдко оказываетъ мнѣ пособіе, какъ деньгами, такъ и провизіею.

«Слухъ о безденежномъ принятіи бѣдныхъ богомольцевъ разнесся въ окрестностяхъ города; вы теперь видите какое у меня стеченіе народа; одни изъ нихъ говѣютъ и живутъ по недѣлѣ, и по двѣ; также я покою у себя нѣсколько человѣкъ больныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ разслаблены всѣми членами, и я за удовольствіе почитаю самъ смотрѣть за ними, и теперь долженъ отправиться къ нимъ, чтобы напоить ихъ чаемъ. Не угодно ли и вамъ отправиться со мною для любопытства. Я увѣренъ, что сердце ваше тронется бѣдствіемъ страдальцевъ.

«Я изъявляя свое желаніе посѣтить больныхъ, по только просилъ отложить до утра: ибо день тотъ желателью было посвятить отдохновенію.

«А... и П... чъ, такъ звали содержателя бѣдныхъ, хотѣлъ идти къ больнымъ, но я просилъ его остаться со мной и эту заботу возложить на кого нибудь другаго.

«Хорошо! — сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія. — Я пошлю довольно надежнаго человѣка, а самъ не замедлю возвратиться къ вамъ.» — Съ этими словами онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

«Признаюсь, я удивленъ былъ глубиною чувствъ сострадательности къ бѣднымъ, и непоколебимости воли въ исполненіи самоотверженія для пользы страждущихъ. Я видѣлъ въ немъ человека совершенно добродѣтельнаго и не могъ вполнѣ оцѣнить его достоинства и прекрасныхъ качествъ души. Черезъ четверть часа онъ ко мнѣ возвратился.»

— «Извините меня, милостивый государь, въ медленности, — сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ, — не предвидѣнный случай задержалъ меня: сей часъ привели ко мнѣ еще больную, и я занялся ею.»

«Много ли у васъ теперь больныхъ?»

— «Да теперь человекъ двѣнадцать, полагаю, что на эту прибавится еще.»

«Вамъ не дешево стоитъ содержать ихъ.»

— «Слава Богу! теперѣ не такъ трудно. При самомъ началѣ, я, точно, терпѣлъ

большой недостатокъ; но векоръ Угодникъ послалъ мнѣ поощръ. Въ то самое время, какъ рука недостатка тяготѣла надъ страждущими, рука Угодника похваляла благодѣтелей, которые изъявили желаніе вспомошествовать мнѣ ежегодно.»

Тутъ подошелъ онъ къ камоду, похожему болѣе на бюро; досталъ нѣсколько писемъ, въ коихъ многія знаменитыя особы изъявили согласіе помогать ему ежегодною присылкою денегъ.»

— «Со временемъ надѣюсь, — продолжалъ онъ, складывая письма, — что, по примѣру этихъ особъ, подпишутся и другія къ вспомошествованію. — Теперь только затрудняетъ меня тѣснота квартиры. Но я на весну хочу заплатить дохъ больше, гдѣ можно бы было доставить совершенное спокойствіе приходящимъ, и особенно больнымъ.»

Между тѣхъ насъ позвали къ ужину, и я, въ сопровожденіи хозяина, пошелъ въ ту комнату, гдѣ для насъ накрытъ былъ особенный столъ. Умѣренный ужинъ, приправленный радушіемъ хозяина, показался мнѣ вкуснѣе богатаго обѣда.

Послѣ стола А... и П... тѣ предмо-

жилъ мнѣ посмотреть порядокъ ихъ вечернихъ молитвословій. — Я изъявилъ желаніе и мы пошли въ другую комнату. При входѣ нашемъ начался акантень Божіей Матери. — Стройные голоса въ которыхъ изъ богомольцевъ величественно воспѣвали хвалу Пресвятой Дѣвѣ. Вечернее моленіе окончилось молитвами на сонъ грядущихъ, послѣ которыхъ всѣ, отдавъ почтеніе хозяину, и дружественно распростясь между собою, отправились ко сну.

Съ радушіемъ пожавъ руку хозяина, я пошелъ отдать дань усталости.

ГЛАВА 7.

КВАРТИРА БОГОМОЛЬЦЕВЪ.

—

Нѣтъ ничего сладостнѣе и пріятнѣе, какъ утренній воспоминающій прошедшихъ удовольствій, тѣло сбрасываетъ съ себя вериги усталости, и душа, обвиняя живущія впечатлѣнія, представляетъ ихъ видѣніями свѣтлыми, яствепными; свѣтлая, очищенная память приводитъ ихъ въ видѣ проясненномъ.

Прослушавшись на зарѣ, я долго мечтаю о прошедшемъ вечерѣ. Наконецъ лучи солнца отражались уже въ окнахъ моей комнаты, и свѣтло дня застало меня въ сферѣ сладостныхъ воспоминаній прошедшаго; но вдругъ раздавшійся

близъ меня мелодическій звукъ словъ:
«*Радуйся невесто невестна!*» Вы-
велъ меня изъ области размышленій.

Поспѣшно вставъ съ постели и началъ одѣваться, желая присутствовать при утренней домашней словесности; но въ это время вошелъ ко мнѣ въ комнату А... и П... чъ, и поздравивъ меня съ наступленіемъ дня, спросилъ: гдѣ будете пить чай: самоваръ уже готовъ, а в сей часъ наполнилъ большихъ и пришелъ спросить у васъ....

— «Да кстати! — прервалъ я, пожимъ руку почтеннаго хозяина, — а сега двѣ чашы чай въ комнату большихъ.»

«Если только не противно» сказалъ онъ, и бросилъ на меня видъ удовольствія, сопряженный съ недоувѣрчивостію.

— «Идемъ же!» — повторилъ я снова, взявъ его за руку.

Пройдя двѣ комнаты, мы вышли на заднее крыльцо, спустились по узкой крутой лѣстницѣ.

— «Тихонько, тихонько, милостивый государь!» говорилъ А... и П... чъ, поддерживалъ меня подъ руку: «у насъ здѣсь ходъ очень опасенъ.» Съ этими словами вошелъ мы въ комнату большихъ.

На большіе покои, гдѣ находились путешественники, сраженные болѣзнями, были довольно чисты, но чрезвычайны тѣсны; большыя вѣсѣ лежали на одной длинной кровати врядъ, отолъ отъ болѣзней могъ бы тронуть и самаго жестокосердаго челоуѣка. Признаюсь, сердце мое ожиналось отъ сожалѣнія. Мы съламъ намъ подали чай. Я непрерывно кидалъ взоры любопытства на страдалицу, изъ коихъ особенно привлекла мое вниманіе женщина, которая съ пѣжностью ласкала на рукахъ своихъ младенца; она была среднихъ лѣтъ, на лицѣ ея сквозь оттѣнки благородства души видимы были слѣды хорошаго воспитанія; во взорахъ ея играло спокойствіе, но нахмуренное чело отражало волненіе сердца и скорбь души. — Я хотѣлъ узнать о ней отъ хозяйки: но она отозвавшъ была по дѣламъ домашнимъ.

Взоръ мой долго покоился на жещинѣ, и истервѣливое любопытство мое заставило меня вступитъ съ нею въ разговоръ.

— «Дальшая ли ты, милал мовъ сиремакъ я, подойдя къ ея востелю.

«Пензенской губерніи, сударь, изъ города Мокшани.

— «Боже мой! — воскликнула я съ сожалѣніемъ, да какъ ты рѣшилась на такой дальній путь съ дитятею!

«Ахъ, милостивый государь, — сказала жѣнщина съ тяжкимъ вздохомъ. — Я еще дѣвица, и этотъ младенецъ по мой.»

— «Какъ такъ! спросилъ я съ удивленіемъ.

Она поправила на младенцѣ платье, и подвинувшись ко мнѣ ближе, начала разсказывать:

«Я пришла сюда изъ дому родителѣй моихъ для поклоненія Св. Митрофану, и для принесенія ему благодарныхъ молитвъ за изцѣленіе моеѣ болѣзни, которое я получила при открытіи Мошеѣ Св. Угодника. Сначала я остановилась въ эдѣшнемъ домѣ; но, по тѣснотѣ комнаты, вскорѣ перешла въ соседній, гдѣ, при сахожъ почти вступленіи, представилась взору моему разительная картина. Какая-то жестокосердая мать, забывъ любовь къ своему дитяти, рѣшилась подкинуть его подъ ограду хоулина, гдѣ оно лежало до освидѣтельствованія

полницѣ. — Собравшіеся народъ отекался болѣе нѣмъ любопытства, нежели нѣмъ соотраданія. Тронутая жалкою участію брошеннаго младенца, я рѣшилась заступить мѣсто жестокой его матери: я взяла дитя на свои руки, и была воспріемницею при его крещеніи.

« Но какой трудъ припала я на себя. — Не прошло еще дня, и я уже была предметомъ поношеній; кривые толки и пересуды людей злонамѣренныхъ и завистливыхъ по душѣ, чернили мою правдивость. И хотѣла было кинуть младенца на попеченіе хозяина, но плачь новорожденнаго дитяти въ ушахъ и сердцѣ отзывался укоризною за мною къ нему холодность. Чувствуя всею обязанностію принятыя мною на себя при купѣли, я рѣшилась, не съотря ни на что, быть вполне матерью несчастнаго младенца. »

« Но заботы и попеченія разстроили мое здоровье: проводя безъ сна цѣлыя ночи, я чувствовала, что болѣзнь, изцѣленная сілою Угодника, снова ко мнѣ приближается; я опять перешла въ адѣшскій домъ, гдѣ, благодаря Бога, принята ласково, и осмыслила милостями едѣшнаго хозяина. — Дай Богъ, чтобы

онъ былъ награжденъ за эти благодѣянія! . . . »

Последнія слова пронесла она съ чувствомъ живой благодарности, и погрузилась въ задумчивость. . . Глаза ея засверкали, и она съ страшнымъ воплемъ ринулась на землю столь быстро, что сидящю подлѣ ея успѣли вырвать изъ рукъ ея младенца.

Я пришелъ въ сильный ужасъ. Больную положили въ постель, и покрыли шубою.

«Часто-ли случается съ нею подобный припадокъ?» спросилъ я обратясь къ сидящей подлѣ ея больной дѣвницѣ.

«Я Оениютка!» сказала больная, и начала креститься съ разными гримасами. Я почелъ ее малодумною и не ошибся.

Въ это время вошелъ въ комнату больныхъ А. . . и П. . . чъ, и пригласилъ меня къ завтраку.

Мы оставили юдолю жалкихъ людей. Послѣ завтрака пошелъ я въ свою комнату, и остатокъ дня провелъ въ распоряженіи своихъ дѣлами, съ намереніемъ на другой день побывать въ монастырѣ

**Св. Митрофана, и познакомить ся съ Во-
ронежемъ.**

ГЛАВА 8.

МОНАСТЫРЬ СВ. МИТРОФАНА.

На утро, въ сопровожденіи А. . . и П. . . ча, я пошелъ въ монастырь Св. Митрофана. При первомъ входѣ въ обитель взоръ мой пораженъ былъ красотою зданій. Златоглавыи Благовѣщенскій Соборъ, съ восточной стороны полукругло обогнутый уѣлищнымъ корпусомъ; Архіерейскій домъ съ двумя выведенными куполами; красивая архитектура братской трапезы, примыкающей къ Архангельскому Собору; готическое зданіе Духовной Консисторіи, и большой рядъ братскихъ келлій, величавая колокольня и главы возвышен-

ныхъ башенъ, сливаясь въ одну цѣлую картину, отражали величественный видъ.

Въ обители жьрно разливался звукъ колокола, призывающій поклопниковъ къ утреннему словословію. Бросивъ поверхностный взоръ на возвышенныя зданія обители, я достигши въ Благовщенскій Соборъ, гдѣ покоятся Мощи великаго Угодника, съ пажре-ніемъ отстоять тамъ утреню. Многолюдное стеченіе народа заграждало намъ входъ въ церковь, и мы едва только могли разрѣзвать грудью сгустившіяся толпы народа; по пройти къ гробницѣ Угодника всѣ усилія наши остались тщетными. После утрени, когда уже большая часть богомольцевъ разошлась по квартирамъ, мы приступили къ рацѣ цѣлебныхъ Мощей Св. Митрофана.

Не могу изъяснить какими восторгомъ объята была моя душа въ то самое время, когда я приступалъ къ гробницѣ Угодника. Восторгъ души моею сливался съ строгательными чувствами сердца. Ни одинъ разъ въ жизни моеи священная истина не воспламеняла такъ сладостно души моеи. И не хотѣлъ разстаться съ жьстою овященнымъ при-

сугублѣмъ великаго Угодника; но благовѣсть призывалъ насъ къ ранней обѣднѣ, и мы пошли въ Архангельскій Соборъ.

Послѣ ранней обѣдни, въ ожиданіи поздней, А... и П... чь предложилъ мнѣ обойти монастырь; но я горѣлъ желаніемъ видѣть Преосвященнаго А...а, кроткаго и добродушнаго Настыря, котораго имя съ уваженіемъ переходить изъ устъ въ уста; я открылъ свое желаніе А...ю П...чу, и онъ проводилъ меня до комнатъ Преосвященнаго.

Встрѣтивши въ прѣмной залѣ секретаря я просилъ его доставить мнѣ случай видѣться съ Преосвященнымъ; но желаніе мое не увѣчалось успѣхомъ. Ибо неутомимый Настырь, истинный ревнитель жизни своего предметника, прославленнаго Богомъ, въ этотъ день былъ занятъ приготовленіемъ къ служенію литургіи. Не смѣя беспокоить его въ священныхъ занятіяхъ, я хотѣлъ идти въ квартиру, съ намѣреніемъ провести тамъ время до поздней обѣдни; но А... и П... чь пригласилъ меня въ келлію знакомаго ему старца, поч-

тешнаго Иеромонаха П. . . я гдѣ я про-
велъ время въ приятной съ нияхъ бесѣдѣ.

Предметомъ нашего разговора была
монастырь Св. Митрофана. Изъ раз-
сказавъ старца я узналъ, что мѣсто, гдѣ
теперь висится златоглавая обитель
иконовъ, и гдѣ со времени явленія по-
лага Угодника Божія возносятся къ
Престолу Царя Царей почти непрерыв-
ный огнямъ молитвъ, принадлежало
доселѣ Капедраальному Собору, кото-
рымъ назывался Благовѣщенскій Со-
боръ, гдѣ теперь почиваютъ мощи Св.
Митрофана. Первое основаніе его на-
чато было самимъ Св. Угодникомъ, и
почти приведено къ концу; но совер-
шенная отдѣлка и украшеніе церкви
были оставлены, по причинѣ замѣчен-
ной непрочности въ зданіи.

Потомъ, прибывшій въ Воронежъ на
Епископскую кафедру, второй прѣсм-
ликъ, предначертаній Св. Митрофана,
Митрополитъ Пахомій, разобравъ на-
чатое Св. Угодникомъ зданіе, спова
предпринялъ сооруженіе Благовѣщен-
скаго Собора, и прочнымъ основаніемъ
сохранилъ его и до нашихъ времепъ.

Преосвященный Тихонъ III, устро-

ивъ иконостасъ, расписалъ соборныя стѣны наилучшею Италіанскою живописью, и украсилъ всею благолѣпіемъ. Въ такой видъ Соборъ тотъ оставался до открытія мощей Св. Митрофана.

Но когда быстролетная молва о явленіи новой благодати Божіей, отразившейся въ петлѣннхъ мощей Св. Митрофана, разлилась во всехъ концахъ нашего отечества; — истинно благоголющій предъ Святынею **МОНАРХЪ**, служащій всею подданнымъ прихвромъ благочестія, при первомъ свободномъ времени выѣхавъ съ Виценою своею Супругою предпринялъ путешествіе въ Воронежъ для поклоненія Угоднику.

Въ ожиданіи пріѣзда Высочайшихъ почитателей стараніемъ нынѣшняго Преподобнаго Архіепископа Воронежскаго Соборъ внутри былъ возобновленъ, и иконостасъ исправленъ. Въ этомъ видѣ онъ находится и нынѣ.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ угодно было. Кафедральный Воронежскій Соборъ, выѣхавъ съ Архіерейскимъ домою, обратилъ въ монастырь во имя новаго Угодника, — и съ 1-го Сентября, 1836 года на площади соборной вышета гла-

тогдашняя обитель иноковъ во имя Св. Митрофана, подъ непосредственнымъ управленіемъ жьетнаго Владыки.

Познакомясь съ обителью новаго Чудотворца, мы простились съ почтенымъ отцемъ П. . . емъ, и пошли въ Соборъ, желая предупредить стеченія народа и занять мѣсто близъ гробницы Св. Митрофана. Призывъ колоколовъ давно уже собиралъ вѣрныхъ сыновъ церкви къ поздней обѣднѣ.

При возарьніи на гробницу Св. Угодника, освещенную блескомъ драгоценныхъ ладанъ, снова разлились въ душѣ моей сладостныя и возвышенныя чувства благоговѣнія; при каждомъ звукѣ священныхъ пѣсней, я восторгался сердцемъ, и мнѣ казалось, что отъ самаго рожденія моего звуки пѣснопѣнія не отражались съ такою извѣстительною силою въ моей душѣ.

Не примѣтно прошло время Божественной Литургіи; чѣмъ скорѣе богослуженіе приближалось къ концу, тѣмъ болѣе душа моя жаждала продолженія молитвы. Служба кончилась; начался пошебенъ съ акантономъ Божіей Матери, стоящей подлѣ раки Св. мощей

Угодника. По окончаніи всѣхъ молитво-словій, я вышелъ изъ церкви съ душою полною благоговѣнія.

Остатокъ дня я хотѣлъ посвятить обзорѣю Воронѣжа; но А... и П... чь совѣтовалъ мнѣ отложить до будущаго дня, въ которой онъ изъявилъ желаніе быть моимъ путеводителемъ. Согласясь на его предложеніе, я отправился въ квартиру.

ГЛАВА 9.

ПРОГУЛКА ПО ВОРОПЕЖУ.

Познакомясь съ монастыремъ Св. Митрофана, я петербургско желалъ познакомиться съ Воропежемъ, и любопытный взоръ свой, жаждущій впечатлѣній разительныхъ, насытить обзоръею мѣсть достопамятныхъ. Наблюденія Мартинера и Корнели Ле-Врїона даютъ о Воропежѣ понятіе высокое. Я хотѣлъ лично обозрѣть оной.

На утро, едва только свѣтъ дня началъ просвѣдать въ окна моей комнаты, я всталъ съ постели и сталъ одѣваться. Солнце не успѣло еще озарить лучами своимъ горизонта, я съ почтеными хо-

ялномъ носѣи квартиры былъ уже на склонѣ горы, разстилающейся вдоль извиистой рѣки Воронежи. Предъ взоромъ нашимъ возвышался Цейхгаузъ — остатокъ памятниковъ мудрыхъ предначертаній Великаго Петра. Отъ самаго Цейхгауза до моста, перекинутаго чрезъ рѣку Воронежю, берега наполнены были кипучею дѣятельностію народа. При видѣ неутомимыхъ занятій, я быстро перенесъ мыслію во времена подернутыя яглою годовъ.

Дѣятельное трудолюбіе народной промышленности представляло мнѣ неутомимое занятіе Петра Великаго въ изготовленіи Воронежской флотиліи, готовящейся, по планамъ Мудраго Монарха, сломать гордыню непреступныхъ стѣнъ Азова. Прошедшее казалось мнѣ настоящимъ.

Перейдя чрезъ мостъ, мы приближались къ мѣсту, ивкогда освященному присутствіемъ Великаго вѣзъ Монарховъ. Я снова сорвалъ занѣсу древности и перенесся въ мѣстные времена протекашаго вѣка; мнѣ казалось, что я вижу предъ собою то готическое зданіе цитадели съ четырьмя высокими башнями

по угламъ, которое нѣкогда было оплотомъ, отражающимъ натиски хищныхъ варваровъ, и смотрю на то обширное Адмиралтейство, которое въ древности не могло вмѣщать въ себя всѣхъ плановъ Мудраго и Предпріимчиваго Царя Россіи. Все живущее олицетворялось въ носѣ воображеніи, и я, казалось, созерцалъ все памятники дѣла Великаго Петра, поглощенные злѣисѣхъ пламени, которыхъ дымы едва только видѣются развалины. Одинъ Цейхгаузъ остался намъ отбѣжкой великихъ дѣла Петра I, предпринимавшихъ для пользы отечества. При видѣ этого дома, я съ чувствомъ сердца отдаю дань всеподданнической признательности къ памяти Мудраго Монарха, ознаменовавшаго поприще своей жизни дѣлами великими.

Между тѣмъ въ обители Св. Матрофана загрѣхъъ призывъ къ утрепному словословію, и этотъ призывъ повторялся на всѣхъ колокольняхъ приходскихъ церквей. Мы оставили мѣсто, священное для каждаго Русскаго сердца. — Облить Тропъ Монарха своими сердцами, вспоминать великія дѣла

своихъ Възвѣдшихъ Властителей, и съ колынопреклоненіемъ благоговѣть предъ ихъ памятію есть дѣло Русскаго который въ этомъ едва ли не превзойдетъ cadaго изъ подданныхъ другихъ державъ міра.

Разставшись съ жѣстою, которое могло служить олтаремъ священной триады, приносящей памяти Великаго Преобразователя Россіи, мы пошли по склону горы, и направили путь къ дѣвичьему монастырю. Благоговѣть кончилось; звонъ во весь колоколъ воззвѣстивъ начала утрани. Мы подошли къ обители дѣвъ, обручившихся Превѣчному жениху своему. Я съ благоговѣніемъ переступилъ порогъ, отдѣляющій тишину отъ шумнаго міра; звучное величіе славы отъ самоотверженія; громкіе клики веселостей отъ тихаго безжолія.

Въ храмѣ раздавались мелодическіе тоны священныхъ пѣсней. Стройные голоса дѣвъ отзывались звуками небожителей. Въ душѣ моей раздражались сладостныя чувства. Сердце мое объято было трепетнымъ благоговѣніемъ; думая вътузлазюмъ чудснаго и плѣнительна-

го. Неприятно промелькнуло время утрени, и двѣи, стройными голосами пропѣвъ хвалу Владычицѣ, удалились въ безмолвныя свои келліи. Выйдя изъ церкви, мы пошли посматрѣть внутрь монастыря.

Обитель не заключала въ себѣ никакихъ рѣдкостей и не поражала взоромъ наблюдателей памятниками протекшихъ событій. Обойдя вокругъ церкви, мы увидѣли въ концѣ монастыря кладбище, усиленное монументами; любопытство привлекло насъ туда. Долго ходили мы между группами надгробниковъ, читая надписи — изліяніе послѣднихъ чувствъ памяти усопшихъ. — Возвышенные бугры могилъ, разнокалиберныя монументы, ряды златистыхъ крестовъ, сливаясь въ цѣлое, отражали одну разительную картину — храчный мостъ, перекинутый между временемъ и вѣчностію. Наконецъ мы оставили обитель безмолвіа, и снова вступили въ область шумнаго міра.

Въ ожиданіи обѣда мы пошли во внутрь города. Майское веселое утро и благотворная погода способствовали на-

шей прогулкѣ. Обойдя нѣсколько улицъ, изогнутыхъ по крутизнамъ и сугробамъ, мы снова очутились на склонѣ горы. Я еще разъ перекинулъ вниманіе чрезъ стремнины Воронежа, и въ послѣдній разъ обнялъ взоромъ все пространство къ западу, освященныхъ присутствіемъ Великаго изъ Монарховъ. Мы пошли вверху по склону горы, и взбиралась по рвамъ, подобнымъ Сенъ-Готаргскимъ, достигли почти самой середины города. Взору нашему представилась возвышенная задняя Дворянская улицы единственное украшеніе Воронежа. Здѣсь спутникъ мой показать мнѣ домъ въ которомъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ имѣлъ квартиру во время прѣзда Своего въ Воронежъ для поклоненія Св. Митрофану.

Ударили къ обѣднѣ. Мы направили путь къ Акатовскому монастырю, гдѣ отстоявъ обѣдню въ церкви Св. Митрополита Алексія, хотѣли отправиться въ квартиру. Но жадный взоръ мой, ищущій раскрытія древоостей, могущихъ поразить насъ событіями времени, поглощенныхъ личностію, останавливался

адвѣе. Я желаю познакомиться съ обителю.

Акатовскій Алексѣевскій монастырь составленъ изъ двухъ обителей: Акатовской пустыни и Успенскаго монастыря. Акатова пустынь находилась на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Алексѣевская обитель, а Успенскій монастырь стоялъ дальѣе внизъ по теченію рѣки Воронежи, при самомъ ея берегу. Напоры волнъ размыли ограду, рука времени сокрушила здавія, и горняя стѣны обители должны были уступить пѣковымъ дѣятелнмъ времени. Царь Михаилъ Осодоровичъ, по просьбѣ Игумена Успенскаго монастыря, перевелъ обитель на старое Козарское городище. Оставшіеся храмъ Успенія Божіей Матери во времена Петра Великаго обращенъ былъ въ придворную церковь Адмиралтейства. Съ 1620 года на Козарскомъ Городище выстроенъ Акатовскій Алексѣевскій монастырь, составленный изъ двухъ обителей.

Козарское поле, представляющее рядъ догадокъ, о началѣ и пропхожденіи Воронежа, заставило меня снова под-

илтъ завѣсу былыхъ вѣковъ. Здѣсь от-
крылась мнѣ лѣтвица, по безчислен-
нымъ ступенямъ которой я сошелъ во
время, погруженный въ объятія вѣч-
ности, и обнаживъ старину, покрытую
слоями вѣковъ, я обнялъ взоромъ Во-
ропежъ съ колыбели его бытія.

ГЛАВА 10.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВОРОНЕЖА.

Поднявъ завѣсу древности, и углубивъ взоръ свой во времена былыя, мы видимъ, что Воронежъ въ старину принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ городовъ; но только начало его таитя во мракъ невѣстности, а тѣмъ болѣе не открыты народы, доселѣ обитавшіе въ мѣстахъ, составляющихъ нынѣ Воронежскую Губернію. Сколько не старались изслѣдовать о томъ наши писатели, но труды Байера и изысканія Миллера остались

тщетными. Древнимъ Греческимъ и Римскимъ писателямъ страна эта была известна болѣе по сказкамъ баснословія, чѣмъ по очевидному свидѣтельству. У Греческихъ Историковъ мѣста Воронежской Губерніи назывались Гипербореемъ (*), или скиѳіею. — Въ повѣншихъ ландкартахъ древней Географіи на мѣстахъ, гдѣ нынѣ лежитъ Воронежская Губернія, одни полагали Сарматовъ, Фенрофаговъ; другіе Армаевоу, Есседоноу, Алапоу и Раксоланоу; а иные страны сіи просто называли Сарматіею. Греческіе Историки среднихъ временъ говорятъ, что страны эти занимали Болгары, Козары, Печенѣги и Половцы. Кажется, описаніе народовъ въ Греческой Исторіи для насъ достоверно: ибо Греки начали уже знакомиться съ народами, въ то время населявшими, или проходившими чрезъ эти страны.

Согласясь съ Греческими Историками среднихъ временъ, мы можемъ только

(*) Гипербореемъ — землею, находящуюся за Сѣверомъ, или лучше можно выразить, землю неизвѣстную.

гадательно познакоимся съ народами, въ древности обитавшими въ странахъ, которыя составляютъ нынѣ Воронежскую Губернію; по начала основанія города Воронежа скрывается отъ насъ въ объятіяхъ не проницаемой древности.

Если принимать въ соображеніе догадки и предположенія, основанныя только на одножъ населеніи народовъ въ этихъ странахъ, то Преподобный Историкъ говоритъ, что Казары около IX столѣтія брали дань со всѣхъ Южныхъ Славянъ жившихъ по линіи отъ Кіева до Рязани; а Византійскіе Историкъ утверждаютъ, что Казары еще въ VII столѣтіи имѣли у себя подъ владычествемъ въ Южной части Россіи девять уѣздовъ. Но, кажется, не возможно начало Воронежа возводить до такихъ отдаленныхъ временъ.

Въ лѣтописяхъ Россійскихъ Историковъ Воронежъ вздымаетъ главу свою изъ нѣдръ двѣнадцатаго столѣтія. Г. Татищевъ основаніе Воронежа предполагалъ отнести Князю Тмутараканскому Святославу, или племяннику его Ярославу, княжившихъ въ началѣ XI

ѣвка (*), и ведшихъ войну съ Печенѣгами, которая, какъ извѣстно, кончилась убіеіемъ на поединкѣ Печенѣжскаго богатыря Редеди. Но мнѣніе Г. Татищева основано на одномъ только предположеніи о близости Тмутаракани съ Рязанскою Україною, гдѣ обитали Печенѣги, и не подтверждено никакими донными и достовѣрными догадками.

Но, не теряясь въ догадкахъ и предположеніяхъ, основаніе Воронежа, мы безспорно можемъ отнести ко времени XI вѣка, когда, какъ говорятъ лѣтописи, многіе Бѣлоуѣжцы (**)—выходцы изъ Скифскаго племени, пришедшіе въ Россію, просили себѣ мѣста для оседлости, которыхъ Великій Князь Владиміръ Мономахъ повелѣлъ для населенія отвести земли; а кунцы ихъ развѣстались по разнымъ городамъ,—и вслѣдъ спустя шестьдесятъ лѣтъ времени,

(*) Святославъ ширеи назывался Мстиславъ Владимировичъ, онъ влѣзалъ до 1034 года, а племянникъ его Ярославъ до 1054 года.

(**) Казары.

въ лѣтописи Преподобнаго Нестора, мы видимъ Воронежъ уже существующимъ. Изъ соображенія этихъ близкахъ обстоятельствъ, безспорно можно предположить что мѣсто, гдѣ теперь высятся Воронежъ, какъ не населенное, было отведено по повелѣнію Великаго Князя Владимира Мономаха для населенія Козаръ или не вадолго до прішествія ихъ, населено было Рязанскими подданными къ которымъ пришедъ Козарскіе купцы испросили себѣ особая при Воронежѣ городища, гдѣ, окопавшись, основали себѣ мѣсто жительства. Эта догадка подтверждается находящимися близъ Воронежа мѣстами, называемыми Козарскими городищами (*).

Спустя 120 лѣтъ послѣ этого времени, Воронежъ сдѣлался извѣстнымъ по роковому случаю, составившему плачевную эпоху для всего нашего отечества: ибо первое нашествіе Батые со многочисленными силами случилось при го-

(*) Изъ коихъ на одно мѣсто высятся Акатовскій Алексѣевскій Монастырь. Сог.

родѣ Воронежѣ. По потерѣнъ ли Воронежъ отъ безбожныхъ Татаръ раззорѣнъ, о томъ лѣтописи умалчиваютъ. Но если рука бдительнаго промысла спасла Воронежъ отъ раззорѣнiя Татаръ, то допустила истребить его единоземцѣмъ. — Въ царствованiе Государя Окодора Юлиновича Малороссiйскiе Козаки и въ Россiи и въ сдѣлавъ нападенiе на городъ Воронежъ, истребили его пламенемъ, и убили Воронежскаго Воеводу Князя Долгорукова-Шабановскаго, и потомъ, когда еще не поросли слѣды разрушенiя, и когда среди развалинъ домовъ дымилось еще пламя пожара, Воронежъ снова былъ разграбленъ Русскими наѣзниками Казачьимъ начальникомъ Заруцкимъ.

Со времени основанiя Воронежа, до возшествiя на осиротѣвшiй престолъ Россiйскiй Михаила Окодоровича Романова, онъ былъ не болѣе, какъ только пограничнымъ торговымъ мѣстечкомъ, или небольшимъ городкомъ; но въ царствованiе Михаилъ Окодоровичъ онъ возведенъ на самобытность, и какъ видно изъ дворцовыхъ записокъ Государя,

Воронежъ былъ уже подъ управленіемъ своихъ воеводъ (*).

Не входя въ подробное описаніе состоянія Воронежа во времена XVII столѣтія, мы взглянемъ на возникшую его славу въ царствованіе Великаго Преобразователя Россіи. Петръ Великій отличилъ его основаніемъ многихъ Государственныхъ заведеній, а особливо флота, желая чрезъ Донъ сдѣлать судходный путь въ Азовское морѣ. Причиною тому, полагать должно, были виды на завоеваніе Азова и всего Крыма.

Скорость и петерившіе Петра Перваго, Государя Мудраго и предпримчиваго побуждали приводить судходство въ дѣйствиіе со всевозможною скоростію; онъ почти лично смотрѣлъ за строеніемъ судовъ, не смотря на дипломатическую политику съ Цезаремъ Леопольдомъ о заключеніи союза противъ Турокъ, и наконецъ имѣлъ удовольствіе самъ спустивъ изъ Воронежа въ Донъ флотъ свой, состоявшій изъ двухъ военныхъ кораблей, двадцати трехъ галеръ, двухъ

(*) Въ 1632 году на Воронежъ посланы были въ воеводы Князь Щербатовъ и Биркингъ.

галасовъ, четырехъ брадировъ; съ 4,000 человекъ войска, доплыть на нихъ до Черкаска. Походъ его былъ весьма счастливъ; ибо новая Воронежская флотилія разбила Турецкія галеры, и побѣда увѣщалась занятіемъ Азова.

Осенью, 1699 года, Петръ Великій, послѣ окончанія своего путешествія по чужимъ краямъ, снова прибылъ въ Воронежъ, и собственными руками своими сдѣлалъ основаніе военному кораблю въ аваніи карабельнаго мастера *Петра Михайлова* — это имя Петръ Великій принялъ на себя за годъ предъ тѣмъ въ Голландіи на Сардамской верфи, гдѣ онъ и въ спискахъ писалея мастеромъ *Петромъ Михайловичемъ*. Въ послѣдствіе времени, по совершеніи морской экзерциціи при Таганрогѣ изъ построенныхъ въ Воронежъ девяти кораблей, онъ снова возвратясь въ Воронежъ, и въ продолженіе цѣлой зимы упражнялся самъ въ кораблестроеніи. И конечно бы Петръ Великій Воронежъ сдѣлалъ чѣмъ нибудь особеннымъ, если бы только ему удалось чрезъ каналъ соединить Донъ съ Волгою и Окою. Но усмотрѣнная имъ неспособностъ рѣки Воронежи для

спуска кораблей, какъ по причинѣ заносовъ, такъ и обильнѣиіи рѣчки принудило его перенести верфь къ рѣкѣ Тавровкѣ.

Но приближеніе къ Украинѣ Карла XII, Короля Шведскаго, некаившаго раззорѣнія Россіи, и Булавинской козацкой бунтъ привлекали его къ другимъ занятіямъ; оторвавшись въ Азовъ, онъ назначилъ всю Воронежскую верфь перевести въ Тавровъ; а потомъ, извѣсившись красотою и выгодами мѣста близъ крѣпости Осереды, онъ перевелъ туда Воронежскую и Тавровскую верфь. Но когда услышалъ, что Карлъ XII осадилъ Полтаву, то Истръ Великій стрѣлою полетѣлъ изъ Азова къ своей арміи, и съ тѣхъ поръ не посѣщалъ уже Воронежа. — Только съ Трона своего обращалъ иногда вниманіе на свои заведенія, гдѣ нѣкогда сосредоточивались планы предприимчивыхъ его наужреній. Эти памятники великихъ дѣлъ Мудраго Монарха составляли знаменитѣйшее украшеніе города.

Но въ послѣдствіе времени четырекратные пожары жаднымъ зѣніемъ опустошили ли городъ, и истребили драгоцѣн-

ные памятники дѣлъ Вяжскаго Петра. Последний пожаръ былъ случасемъ къ тому, Воронежъ началъ строиться по новому фасаду, и съ тѣхъ поръ шелъ почтенно къ самобытности; но въ нынѣшнее время, когда рука Промысла оварила горизонтъ Воронежа новою благодатию, открытіемъ цѣлебныхъ Мощей Св. Митрофана, онъ прославился во всѣхъ концахъ нашего отечества. Воронежъ одѣлся славнымъ, и имя его вы найдете не только въ устахъ каждаго взрослого, но даже и въ слабыхъ лепетаніяхъ дѣтей.

ГЛАВА 11.

ОТЪЪЗДЪ ВЪ МОСКВУ..

Исполнивъ послѣднее мое желаніе объ-
зрѣнїемъ Воронежа, я началъ готовител
къ отъѣзду. Краткость времени, назна-
ченнаго мною для путешествія, не пово-
ляла мнѣ долѣе оставаться въ Воро-
нежѣ, и я на утро, съ разсвѣтомъ поло-
жилъ отправиться въ обратный путь въ
Москву. Наканунѣ отъѣзда моего мнѣ
желательно было еще однажды побывать
въ Монастырѣ Св. Митрофана, и мо-
жетъ быть, въ послѣдній разъ, предъ
гробницею Св. Угодника налить благо-
говѣнныя чувстваванія души. Вечерній
благоговѣе былъ призывомъ къ испол-
ненію моего желанія. Я отправился въ

монастырь, отстоявъ вечераю, попросилъ отслужить молебенъ надъ мощами Св. Угодника.

По выходѣ изъ церкви, нашелъ случай видѣться съ Преосвященнымъ А... емъ. Ласковый прѣжь, удивительная кротость и смиреніе души добродѣтельнаго Пастыря, при первомъ видѣ, плѣнили меня. Воодушевленный его ласковостію, я провелъ нѣсколько времени въ усажденной съ нимъ бесѣдѣ, во время коей я могъ видѣть высокія качества его души, и конечно не скоро растаялъ бы съ Пастыремъ, достойнымъ любви и уваженія, если-бы только время и приличіе не побуждали оставить его въ покоѣ. При прощаніи, Преосвященный благословилъ меня иконою Св. Митрофана, и напутствовалъ своими Святительскими наставленіями, которыя и по сіе время отражаются въ полнотѣ чувствъ моего сердца. Выѣдя изъ комнаты Преосвященнаго; я остановился на площади близъ Собора, кидая взоры на великолѣпныя зданія обители.

День началъ клониться къ вечеру; лучи заходящаго солнца, играя на позлащенныхъ главахъ Собора, двойли

величественную картину храма. Поклонники Св. Митрофана, наполнившію обитель, толпами удалялись въ свои квартиры. Въ обители водворялось безмолвіе. Я оставался одинъ. Радуюсь своему одиночеству, въ глубокомъ чувствѣ благоговѣнія прощался съ обителью Св. Митрофана, котораго имя такъ часто впитало на моихъ устахъ. Я оставлялъ одну съ грустными волненіемъ сердца. Не разъ взоры мои обращались назадъ, не разъ останавливался я при выходѣ изъ монастыря, сердце мое щемилось, и вздохи волновали грудь мою. Ахъ, какъ тяжело оставлять мѣсто, къ которому привязано сердце!

Раствившись съ обителью Св. Угодника, медленными шагами я шелъ въ свою квартиру. При самокъ вступленіи въ комнату взору моему представилась печальная картина: на столѣ, подъ бѣлымъ покрываломъ лежалъ умершій младенецъ. Внутри меня за клубилось сильное волненіе сердца, и по нервамъ моимъ разстилался холодъ. Но потомъ когда узналъ что умершее дитя былъ тотъ самый младенецъ, который на другой день привеза моего въ Воронежъ,

но предъ посѣщеніи комнаты больныхъ, привлечь къ себѣ особенное мое вниманіе, — волненіе сердца начало уступать мѣсто сожаленію.

Никакъ разительное стеченіе случаевъ — сказалъ я наконецъ, послѣ тяжкаго вздоха. — Начало поѣдки моей въ Воронежъ ознаменовалось смертію моего брата; а отправленіе въ обратный путь кончиною младенца, въ любви котораго участвовало мое сердце... и съ этими словами я вошелъ въ свою комнату.

Вечеръ проведенъ былъ въ бесѣдѣ съ почтеннымъ и милымъ хозяиномъ моей квартиры; чувства взаимнаго дружъ къ другу уваженія слились въ одно общее наше желаніе — поддерживать знакомство. Предирниавъ намѣреніе съ разсвѣтомъ будущаго дня отправиться въ путь, я предложилъ А...ю П...чу денежный подарокъ; но онъ, съ видомъ оскорбленнаго благородства души, отвергъ мое предложеніе; я старался настоять въ исполненіи моего желанія, но все усилія мои остались тщетными.

— «Вы дороже наградите меня, — сказалъ онъ наконецъ, — если съ своей

стороны не пресѣчете нашего апакомства.» Радужный прѣлѣтъ хозяина и уваженіе, питаемое имъ ко мнѣ, имѣли полное право на мое обѣщаніе, которое было заключеніемъ нашей дружеской бесѣды.

На утро все было готово къ отъѣзду, и я пившииъ чаю, простився съ добрыми своимъ хозяиномъ, и тройка почтовыхъ лошадей вырвала меня изъ объятій Воронежа. Выѣхавъ за заставу я еще разъ окинулъ прощальнымъ взоромъ Воронежъ, и молиленосною стрѣлою полетѣлъ къ Москвѣ. — Дорогую на минуту остановилъ я въ Бѣлицѣ и на могилѣ моего брата принесъ послѣднюю дань его памяти.

Накопецъ на четвертый день представилась взору моему Москва во всемъ своемъ величїи и блескѣ. При видѣ столицы радостно забилось мое сердце, и что-то родное повѣяло мнѣ на встрѣчу я въѣхалъ въ Москву съ тѣми же чувствами, какія каждый ощущаетъ при видѣ родныхъ странъ, — береговъ своей отчизны.

Въ квартирѣ моей царствовала пустота, при видѣ одиночества, потеря един-

ственного брата моего представилась
мнѣ разительною картиною, и я вполне
чувствовалъ, чего лишился со смертію
такого брата, съ которымъ составлялъ
одно семейство. Однимъ словомъ, съ
окончаніемъ моего путешествія, и семей-
ственному счастью моему былъ

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Письмо А. П. Уланову	5.
Глава 1. Москва	11.
— 2. Отъездъ въ Москву	17.
— 3. Помѣщикъ и его семейство	26.
— 4. Тула	37.
— 5. Задонскъ	64.
— 6. Въездъ въ Воронежъ	68.
— 7. Квартира Богомольцевъ	69.
— 8. Монастырь Св. Митрофана	77.
— 9. Прогулка по Воронежу	83.
— 10. Историческое обозрѣніе Воро- нежа	91.
— 11. Отъездъ въ Москву	101.

ОУЧБ им. И. С. Никитина

Заказ № 37 от 12.01.87

тираж 1 экз.